

Аксель Панцер

Тут за воротами СТОНЕТ ЗЕМЛЯ

Аксель Панцер

Тут за воротами стонет земля

<https://litres.ru/74645417>

SelfPub; 2026

Аннотация

Белоруссия, 1943 год. Война приходит в маленькую деревню Коли и его семилетней сестры Кати внезапно — с чужими голосами, огнём и приказом покинуть дом. Вместе с матерью дети оказываются среди угнанных мирных жителей, а затем — за воротами Саласпилсского лагеря.

Там их разлучают с матерью. Теперь одиннадцатилетнему Коле приходится взрослеть слишком быстро: беречь Катю, делиться последним хлебом, запоминать имена исчезающих детей и цепляться за любую весть о маме.

Но даже когда ворота лагеря остаются позади, дорога домой не заканчивается. Впереди — новые перемещения, освобождение, списки пропавших, поиск родных, возвращение к сожжённой деревне и трудное умение снова доверять обычной жизни.

Роман о детях, которым война слишком рано запретила быть детьми. О памяти, материнской руке, куске хлеба, тряпичной кукле и о самом трудном пути после пережитого — пути от выживания к жизни.

Аксель Панцер

Тут за воротами стонет земля

Аксель Панцер

**Тут за воротами
стонет земля**

Книга I

Часть I

Пока ещё был дом

Глава 1. Снег за окном

Снег шёл с самого утра — мелкий, терпеливый, почти невесомый. Он не падал большими хлопьями, не кружился в вихрях, не забивал глаза, как бывало в феврале, когда ветер с полей налетал на деревню и за несколько часов заметал изгороди почти до верхних жердей. Сегодня снег опускался тихо, будто боялся потревожить землю. За окном избы было бело и неподвижно. Белела крыша соседнего сарая. Белела дорога, уходившая между домами к лесу. Белыми горбами лежа-

ли под снегом перевернутая телега, поленница и старый колодезный сруб. Даже яблоня возле окна казалась не деревом, а чёрным рисунком, нанесённым углём на сероватое зимнее небо. Коля долго смотрел на неё. На самом деле его звали Николаем, но так его называли только учительница и мать, когда сердилась. Для всех остальных он был Колей. Одиннадцать лет — возраст, когда мальчик уже стесняется, если мать поправляет ему ворот рубахи, но ещё способен долго лежать животом на тёплой печи, слушая, как потрескивают дрова, и представлять, будто война существует где-то далеко, за лесом, за железной дорогой, за той частью света, которую он никогда не видел.

Война, однако, давно жила рядом. Она поселилась в пустом доме семьи Громыко, откуда осенью увели хозяина и двух старших сыновей. Жила в выбитом окне школы, затянутом вместо стекла промасленной бумагой. Вошла в деревенские разговоры и заставила взрослых говорить тише. Даже собаки теперь лаяли иначе: не лениво, не для порядка, а резко, с тревогой, будто слышали раньше людей то, что приближалось по дороге. Но в тот день всё это казалось Коле привычным. Он сидел у окна, держа ладонью край занавески, и наблюдал, как снег понемногу скрывает вчерашние следы. Там ещё утром была видна дорожка от крыльца к сараю — мать ходила кормить корову. Теперь оставались только неглубокие впадины. Ещё немного — и исчезнут совсем. Коля почему-то любил смотреть, как снег замечает следы. Ему

казалось, что так земля умеет забывать. На лавке возле печи сидела его сестра Катя.

Ей недавно исполнилось семь. Она была худенькая, почти невесомая, с тонкими запястьями и русыми волосами, которые мать каждое утро заплетала в две короткие косы. Катя терпеть не могла сидеть спокойно, но сегодня раскладывала на коленях тряпичных кукол и занималась этим необыкновенно серьёзно. Куклы были сделаны из старых лоскутов. У одной вместо головы — тугой комок холста, перетянутый ниткой. У другой мать когда-то вышила синие глаза и красный рот. Красная нитка почти вытерлась, поэтому кукла теперь будто улыбалась одним уголком губ. Катя укутывала её в кусок старого шерстяного платка. Иногда она что-то шептала кукле, но так тихо, что Коля не слышал слов. Он несколько раз пытался подслушать, однако сестра замечала это и сразу прижимала игрушку к груди. Коля делал вид, что ему всё равно. В избе пахло печным дымом, варёной картошкой и влажными валенками.

Запах был самый обычный, домашний. Мать стояла возле стола и чистила картофель. Делала она это особенно тщательно. Нож срезал кожуру такой тонкой прозрачной лентой, что местами она почти просвечивала. Раньше кожуру снимали толще. Коля это помнил. До войны мать никогда не ругала его, если он оставлял на тарелке половину картофелины. Теперь она даже ничего не говорила — просто смотрела. Этого взгляда хватало. Он не был сердитым. Скорее уста-

лым. Именно поэтому Коля старался доесть всё до последней крошки. Мать вообще за последние два года словно научилась разговаривать без слов. Коля замечал это всё чаще. Вот она задерживала руку над мешком с мукой и несколько секунд решала, сколько взять. Вот пересчитывала картофелины перед ужином. Вот стояла вечером возле пустующей половины кровати и разглаживала покрывало там, где когда-то спал отец. Она никогда не говорила детям, что думает об отце.

Только иногда, если Катя спрашивала, когда он вернётся, мать отвечала, что война сначала должна закончиться. Когда закончится война, никто не знал. Иногда Коле казалось, что она существовала всегда. Словно когда-то были времена без солдат, без обысков, без далёких выстрелов, без исчезающих по ночам мужчин, но это относилось к очень далёкому детству, которое он уже почти перестал помнить. Отец ушёл летом сорок первого. Последнее воспоминание о нём у Коли сохранилось странное и совсем не героическое. Отец стоял возле сарая и пытался починить кожаный ремень. Всё торопился, сердился на старую пряжку, несколько раз колол палец шилом. Мать ходила вокруг и складывала ему вещи. Потом пришёл человек из сельсовета, отец надел пиджак, который обычно берег для праздников, и ушёл.

Вечером мать долго сидела у окна. После этого пришло только одно письмо. Потом — ничего. Ни похоронки. Ни известия. Ни самого отца. Поэтому дома не говорили, что он

погиб. Говорили — «нет вестей». Эти три слова оставляли маленькую щель для надежды. Коля держался за неё. Иногда представлял, что отец войдёт в дверь неожиданно. Вот просто откроется дверь, войдёт человек в шинели, с рюкзаком за плечами, поставит его на пол и спросит, почему они так смотрят. В этих фантазиях отец почему-то всегда улыбался. Настоящая его улыбка уже начинала стираться из памяти. Это пугало Колю больше, чем он был готов признать самому себе. Мать поставила очищенные картофелины в чугунок, долила немного воды и поднесла к печи. Сделала это медленно, осторожно, словно каждый клубень имел цену.

— Мам, — тихо позвала Катя.

Мать обернулась. Девочка показала свою куклу. У неё развязался платок. Мать подошла, присела перед дочерью и поправила узел. Она сделала это привычным движением, но задержала ладонь на Катиной голове дольше обычного. Коля заметил. Последнее время он многое замечал. То, на что раньше не обратил бы внимания. Например, что мать почти перестала петь. Раньше, когда мыла посуду или месила тесто, она тихонько тянула старые песни. Иногда без слов, одним голосом. Теперь в избе было слышно только потрескивание печи и редкие бытовые звуки. Ещё она стала чаще подходить к окну. Не смотреть на дорогу — просто подходить. Отодвигала край занавески, несколько секунд стояла неподвижно, потом возвращалась к работе. Коля однажды спросил, кого она ждёт. Она ответила, что никого. Но продолжала смот-

реть.

После полудня снег усилился. Небо опустилось ниже, и деревня стала похожа на маленький остров, окружённый белой пустотой. Коля вышел во двор за дровами. Мороз сразу защищал щёки. Он натянул шапку ниже и пошёл к поленнице, стараясь наступать в старые материнские следы. Снег скрипел под валенками. Этот звук обычно нравился ему. Сегодня он почему-то казался слишком громким. За огородами тянулось поле. Летом оно было широким и живым: рожь ходила волнами, над ней висели жаворонки, возле дороги росли васильки. Теперь поле представляло собой одну бесконечную белую поверхность, только местами её пересекали тёмные полосы кустов. За полем начинался лес. Коля невольно посмотрел туда. В последние недели взрослые часто поглядывали именно на лес. Там иногда появлялись люди. О них детям почти ничего не рассказывали. Коля слышал слово «партизаны». Слышал, что им носят хлеб. Слышал и другое: если немцы узнают, будет плохо всей деревне.

Что именно означало «плохо», никто не объяснял. Но и без объяснений было понятно, что речь не о наказании или тюрьме. Несколько дней назад приезжал староста. После него мать долго сидела за столом, сцепив пальцы. Он предупредил, что в соседнем районе сожгли деревню. Коля не присутствовал при разговоре, но услышал потом, как мать шёпотом пересказывала это соседке. Сожгли. Одно слово. Избу можно сжечь. Сарай. Стог. Но как можно сжечь деревню? Он

пытался представить и не мог. Деревня была слишком большой. Дома, колодцы, деревья, хлевы, заборы, улица. И люди. Особенно люди. Он набрал охапку поленьев. Когда выпрямился, ему показалось, что далеко, за лесом, что-то прогре хотало. Он замер. Прислушался. Ветер шевелил сухие ветви яблони. Больше ничего. Коля уже хотел идти в дом, но снова услышал глухой звук. Не выстрел. Скорее далёкий взрыв. Настолько далёкий, что земля даже не дрогнула.

И всё же он почувствовал, как внутри стало холоднее. Мальчик поспешил к крыльцу. У двери стояла мать. Он не видел, как она вышла. На плечи она накинула старую шаль. Смотрела не на него. Туда же, куда несколько секунд назад смотрел Коля. На лес. Она спросила, слышал ли он. Коля кивнул. Больше они ничего друг другу не сказали. Мать забрала у него несколько поленьев, хотя обычно заставляла нести самому, и первой вошла в дом.

Вечером пришла соседка Марфа. Она появилась уже в сумерках, без обычного стука, быстро проскользнула в дверь и сама задвинула щеколду. Коля сидел возле печи и чинил сестре деревянную дощечку, которую она использовала вместо кровати для кукол. Он сразу понял, что произошло что-то важное. Марфа была в снегу. На сером платке таяли снежинки, по вискам стекали капельки воды. Она дышала часто, хотя от её дома до них было не больше двухсот шагов. Женщины отошли к столу. Говорили очень тихо. Коля специально опустил голову ниже, будто полностью занят дощеч-

кой. Он не слышал отдельных фраз, только обрывки. «Со стороны Освеи...» «Машины...» «Деревни...» «Людей собирают...» «Детей тоже...» Последние два слова заставили его руку остановиться. Он продолжал водить ножом по дереву, хотя уже ничего не строгал. Катя ничего не замечала. Она сидела возле печи и укачивала куклу.

Марфа сказала что-то ещё. Мать долго молчала. Потом Коля услышал едва различимый вопрос — куда же идти. Соседка ответила, что некоторые уходят в лес. Мать посмотрела в сторону детей. Этот взгляд Коля почувствовал, даже не поднимая головы. Он вдруг понял, почему она не уйдёт. Катя далеко не пройдёт. А если идти ночью, по снегу, через лес, в мороз? Что брать с собой? Где спать? Чем кормить детей? Вопросы, на которые взрослые должны были знать ответы, оказывается, тоже оставались без ответов. Коля впервые подумал об этом всерьёз. Раньше ему казалось, что взрослые понимают происходящее лучше детей. Даже если не говорят. Теперь мать сидела напротив Марфы и выглядела так, будто сама ждала, что кто-нибудь скажет ей, как нужно поступить. Это было страшно. Сильнее далёкого взрыва. Потому что если не знает мама — тогда не знает никто. Марфа ушла быстро.

Когда дверь закрылась, мать долго проверяла щеколду. Потом подошла к окну и поправила занавеску. В комнате уже стемнело. Единственным светом была коптилка на столе. Пламя дрожало, вытягивая тени по стенам. Мать позвала

Колю. Она не велела ему садиться, но он сам подошёл к столу. Некоторое время женщина просто смотрела на сына. В её лице он увидел то, чего раньше не замечал. Возраст. Мать всегда казалась ему молодой. Все матери кажутся детям одинаковыми, пока однажды они не замечают морщинку возле глаз, седой волос или уставшие руки. Теперь Коля смотрел на её пальцы. Они лежали на столе. Красные от воды и холода. На одном — небольшой порез. Мать объяснила, что если ночью разбудит его, спорить и задавать вопросы нельзя. Нужно быстро одеться. Помочь Кате. Взять мешок, который она поставит возле двери. Делать всё, что скажет. Коля слушал. Ему хотелось спросить, куда они пойдут.

Но после разговора соседок он уже понимал: мать не знает. Он только кивнул. Она положила ладонь ему на плечо. Несколько секунд сжимала его сильнее, чем требовалось. Потом отпустила. Ни слова о страхе. Ни слова о возможной беде. Но Коля впервые почувствовал, что теперь отвечает не только за себя. За Катю тоже. Ему стало одновременно приятно и страшно. Он вдруг выпрямился. Мать это заметила и чуть улыбнулась. Улыбка получилась усталой. На ужин была картошка. Пять клубней. Мать разрезала их на части и разложила по мискам. Кате положила чуть больше. Девочка не заметила. Коля заметил. Ел медленно. Картошка была горячая, рассыпчатая, без масла. К ней мать дала немного соли. Ещё два года назад такой ужин показался бы бедным. Теперь это была еда. Настоящая. Тёплая. Своя. Коля долго держал

последний кусочек во рту. Сам не понимал почему. Возможно, ему хотелось продлить ощущение сытости.

Возможно — просто сохранить этот вечер. Катя зевала. Мать уложила её на кровать, укрыла старым одеялом и велела держать куклу под одеялом, чтобы та «не замёрзла». Девочка засмеялась. Смех прозвучал неожиданно громко. Все трое на мгновение замерли. Потом мать тоже улыбнулась. И Коля подумал, что это глупо — бояться смеха. Но они действительно его испугались. Как будто война могла услышать.

Ночью Коля долго не засыпал. Он лежал на печи, повернувшись лицом к стене. Под боком было тепло. Через щели в старых брёвнах иногда проходил слабый холодный воздух. Внизу дышала Катя. Мать ещё не ложилась. Он слышал, как она ходила по избе. Сначала что-то складывала. Потом открыла сундук. Долго рылась внутри. Потом затихла. Коля осторожно повернулся. Мать сидела возле стола. Перед ней лежала фотография отца. Маленькая, с загнутым уголком. Она держала её обеими руками. Коля никогда раньше не видел, чтобы мать плакала. И сейчас она тоже не плакала. Просто сидела неподвижно. Потом завернула фотографию в кусок ткани и положила в небольшой узел. Рядом лежали две детские рубашки, кусок хлеба, несколько картофелин, спички и шерстяные носки. Вот, значит, тот самый мешок. Коля закрыл глаза. Он не хотел, чтобы мать поняла, что он не спит.

Через некоторое время свет погас. Изба стала тёмной. За окном продолжал идти снег. Он проснулся от звука. Сна-

чала не понял, какого. Лежал неподвижно, прислушиваясь. Потом услышал снова. Собака. Где-то на другом конце деревни. Короткий, резкий лай. Ей ответила вторая. Потом третья. Через несколько секунд словно вся деревня вдруг проснулась. Собаки лаяли одновременно. Коля сел. Сердце уже колотилось, хотя он ещё ничего не видел. Внизу зашевелилась мать. Она тоже проснулась. Или вообще не спала. Через мгновение стояла у окна. Отодвинула занавеску совсем немного. За стеклом была только темнота и снег. Коля спустил ноги с печи. Мать обернулась и жестом велела оставаться на месте. Он подчинился. Катя продолжала спать. Собаки не умолкали. Теперь к лаю примешался другой звук. Далёкий. Неровный. Сначала Коля решил, что это ветер. Но ветер не мог двигаться с таким ритмом.

Гул то становился громче, то исчезал. Моторы. Несколько машин. Мать медленно опустила занавеску. Лицо её стало совершенно неподвижным. Она подошла к двери. Не открыла. Только прислонила ладонь к дереву. Словно через него можно было почувствовать, насколько близко то, что двигалось по дороге. Гул усиливался. Коля вдруг вспомнил отцовский ремень. Солнце летом сорок первого. Запах сена. Руки отца. Почему-то именно это. Совсем не то, что должно было вспомниться сейчас. Мать быстро повернулась к нему. Теперь уже без слов было понятно: одевайся. Он потянулся за одеждой. Руки слушались плохо. Катя проснулась, приподняла голову и спросила, что случилось. Мать подошла к ней

и сказала что-то тихое, ласковое — будто речь шла о самом обычном раннем подъёме. Но пока она говорила, пальцы её торопливо застёгивали дочери кофту. Коля натягивал валенки. Один никак не надевался.

Он разозлился на себя, дёрнул сильнее и чуть не упал. Мать посмотрела на него. Не сердито. Только внимательно. Он сразу успокоился. Взял сестрину шапку. Помог ей надеть. Катя спросила, куда они идут. Никто не ответил. На улице уже слышались голоса. Не деревенские. Короткие команды. Потом хлопнула дверь соседнего дома. Закричала женщина. Крик быстро оборвался. Коля почувствовал, как Катина рука нашла его ладонь. Она была маленькая и горячая. Он сжал её. Так сильно, что сестра тихо пожаловалась. Он немного ослабил пальцы, но не отпустил. Мать подхватила приготовленный мешок. Второй рукой взяла Катю за плечо. Они стояли втроём посреди избы. Ещё никто не вошёл. Ещё несколько мгновений это был их дом. Печь. Стол. Лавка. Икона в углу. Отцовская кружка на полке, которой никто не пользовался после его ухода. Тряпичная кукла осталась лежать на кровати.

Катя увидела её. Дёрнулась обратно. Мать хотела остановить, но девочка уже схватила игрушку и прижала к себе. И в этот момент снаружи в дверь сильно ударили. Не постучали. Ударили прикладом. Один раз. Потом второй. Мать замерла. Коля видел её профиль. Видел, как она закрыла глаза всего на секунду. А затем лицо изменилось. Страх никуда не

исчез. Но поверх него появилось другое выражение — жёсткое, собранное. Такое бывает у человека, который понял, что времени бояться больше нет. Она поставила детей за собой. Подошла к двери. За стеной снова прокричали приказ. Коля не понял слов. Мать поняла. Или просто догадалась. Её рука легла на щеколду. За окном всё ещё шёл снег. Тот самый тихий снег, который с утра заметал следы. Теперь он уже скрыл дорожку к сараю. Скрыл материнские следы возле колодца. Скрыл следы Колиного валенка возле поленницы. И продолжал падать.

Словно земля заранее пыталась сохранить под собой всё то, что скоро должно было исчезнуть.

Глава 2. Чужие голоса

Мать не сразу подняла щеколду. Её пальцы лежали на железной скобе, но несколько мгновений она будто не могла заставить руку сделать последнее движение. За дверью снова раздался удар — теперь сильнее, с таким глухим деревянным треском, что Катя вздрогнула всем телом и прижала куклу к груди. Коля почувствовал, как внутри всё сжалось. Ему вдруг показалось, что если дверь не открывать, то ничего не произойдёт. Что можно просто стоять молча, не дышать, не шевелиться, и люди снаружи решат, будто дом пуст. Это была детская мысль, и он сам почти сразу понял её нелепость. Собаки продолжали лаять. По улице уже ходили люди. Слышались короткие выкрики, тяжёлые шаги, хлопанье дверей,

женский плач, какой-то металлический лязг. Вдали несколько раз заревел мотор. Деревня, ещё несколько минут назад спавшая под снегом, теперь наполнялась чужими звуками. Мать подняла щеколду.

Дверь распахнулась почти сразу, будто снаружи только и ждали этого движения. В избу вошёл холод. Он ворвался вместе с ветром, снегом и двумя вооружёнными мужчинами. Коля впервые увидел их так близко. До этого немецких солдат он видел на дороге, возле сельсовета, иногда у магазина в соседнем селе. Они проезжали мимо на машинах или стояли группами, казались частью большой, непонятной силы, которая существовала где-то отдельно от его жизни. Теперь один стоял в двух шагах от печи. На его плечах белел снег. На ремне висели подсумки. В руках — автомат. Другой задержался у двери и быстро оглядывал комнату. Не людей — вещи. Кровать. Печь. Стол. Сундук. Угол с иконами. Коля запомнил именно этот взгляд. Не любопытный. Не человеческий. Так смотрят, когда проверяют сарай или пустой амбар. Первый что-то резко сказал. Мать не поняла. Он повторил, добавив жест рукой — наружу.

Мать кивнула. Она не спорила. Не потому, что смирилась. Коля видел, как напряглось её лицо. Как сжались губы. Как рука на мгновение крепче ухватила мешок. Она просто понимала то, чего дети ещё не понимали: сейчас каждое лишнее слово могло стать опасным. Мужчина указал на мешок. Мать показала, что там детские вещи и еда. Он приблизился,

выхватил его из рук и открыл. Картофелины выкатились на пол. Одна ударилась о ножку стола и остановилась. Катя следовала за ней взглядом. Несколько секунд никто не двигался. Солдат перебрал содержимое. Рубашки. Носки. Хлеб. Фотография, завернутая в ткань. Он вынул свёрток. Мать шагнула вперёд прежде, чем успела подумать. Коля увидел это. Видел и солдат. Он остановился. Между ними возникло короткое молчание. Потом мужчина развернул ткань. Фотография отца оказалась в его руке. Он посмотрел на неё. Перевёл взгляд на мать.

Спросил что-то. Мать ответила коротко. Слов Коля не разобрал, но понял смысл. Муж. На фронте. Не знаем. Немец ещё раз посмотрел на фотографию. Коля ожидал, что он порвёт её. Почему-то именно этого он боялся. Но мужчина бросил снимок обратно в мешок. Не бережно. Просто без интереса. Мать наклонилась и стала быстро собирать картофелины. Солдат раздражённо махнул рукой. Наружу. Немедленно. Она подняла только две. Остальные остались на полу. Коля смотрел на них. Совсем недавно мать чистила каждую картофелину так осторожно, будто это драгоценность. Теперь они лежали у стола, а никто не мог остановиться и подобрать их. Тогда он впервые почувствовал, что привычный порядок мира сломался. Не из-за оружия. Не из-за крика. Из-за картофелин на полу.

Во дворе было ещё темно. Ночь начинала понемногу сереть, но до рассвета оставалось далеко. Снег продолжал па-

дать. Под ногами уже было вытоптано множество следов. Деревня, которую Коля знал всю жизнь, выглядела чужой. У каждого двора стояли вооружённые люди. Где-то выводили мужчин. Где-то плакали женщины. Возле соседнего дома Марфу держали за локоть, пока она пыталась застегнуть пальто младшему сыну. Он был босой. Одну ногу успели засунуть в валенок, другую — нет. Мальчик плакал не от страха, а от холода. Марфа кричала, что ребёнку нужно обуться. Никто её не слушал. Коля видел, как она вырвалась, бросилась обратно к двери, но один из солдат перегородил путь. Она остановилась. Не потому, что передумала. Потому что увидела направленное на неё оружие. На мгновение улица стала очень тихой. Даже её сын перестал плакать. Потом кто-то из местных мужчин снял с себя старую рукавицу и сунул мальчику под босую ступню, обмотав её как мог.

Так он и пошёл. С одним валенком. С одной ногой, обернутой в рукавицу. Коля запомнил это навсегда. Война часто запоминалась не тем, что было самым страшным. А тем, что было самым нелепым. Чужая рукавица вместо обуви. Кукла под пальто. Картошка на полу. Открытая дверь в доме, где ещё горит печь. Людей гнали к середине деревни. Никто не говорил, куда. Мать шла рядом с детьми. Одной рукой держала Катю. Другой — мешок. Коля держался с другого бока. Он старался идти ровно. Не показывать, что ему страшно. Это казалось важным. Если он будет идти спокойно, Катя тоже не испугается. Но сестра уже испугалась. Она переста-

ла спрашивать. А это было хуже плача. Обычно Катя могла задавать один вопрос десять раз подряд. Где мама была? Куда идём? Что будем есть? Когда придёт папа? Почему снег скрипит? Теперь молчала. Сжимала куклу. И только иногда смотрела на мать.

Словно проверяла, рядом ли она. Коля заметил, что вокруг почти все дети делали то же самое. Они смотрели не на солдат. Не на оружие. На матерей. Пока мать рядом — мир ещё существует. Пока можно ухватиться за рукав, за юбку, за ладонь — ещё не всё потеряно. На улице уже собиралась большая группа. Коля узнал почти всех. Дядю Павла, который летом чинил им крышу. Старуху Аграфену. Учительницу Анну Петровну. Двух братьев Морозовых. Старосту тоже. Он стоял отдельно. Бледный. Без шапки. Несмотря на мороз. Коля видел, как взрослые смотрят на него. Никто ничего не говорил. Но в этих взглядах было столько ненависти, что мальчику стало не по себе. Он не понимал, что сделал староста. Мать раньше говорила, что он вынужден выполнять приказы. Сосед дядя Павел отвечал, что каждый сам выбирает, что выполнять. Тогда Коля не понял смысла. Теперь начал понимать.

Староста попытался что-то объяснить вооружённому человеку, который, судя по поведению остальных, был начальником. Говорил быстро. Указывал на дома. На людей. Тот слушал недолго. Потом ударил его по лицу. Не сильно. Почти лениво. Староста замолчал. И именно это почему-то

произвело на Колю сильное впечатление. Он впервые увидел, что человек, которого в деревне боялись и которому подчинялись, здесь не значил ничего. Если даже староста ничего не решает — значит, обращаться не к кому. Коля начал рассматривать чужих людей внимательнее. Не все были немцами. Это он понял по речи. Некоторые команды звучали иначе. Слова были незнакомыми, но не похожими на немецкие, которые он уже научился узнавать на слух. Одни носили одну форму, другие немного другую. Кто-то говорил с солдатами по-немецки, кто-то переговаривался между собой на языке, от которого Коля улавливал лишь отдельные похожие звуки.

Ему казалось странным, что людей, пришедших в их деревню, так много и что они говорят на разных языках. От этого становилось ещё страшнее. Будто против них выступил не один отряд, а весь неизвестный внешний мир. Позже он много раз пытался вспомнить лица этих людей. Не получалось. Они слились. Остались детали. Снег на шинелях. Пар изо рта. Ремни. Чужие сапоги. Чёрные перчатки. И голоса. Особенно голоса. Короткие. Резкие. Нетерпеливые. Именно поэтому спустя много лет он, возможно, вспомнит это утро не как утро выстрелов, а как утро чужих голосов. Людей стали считать. Сначала по одному. Потом семьями. Взрослые сбивались. Дети плакали. Кто-то пытался уйти назад к дому за одеждой. Его возвращали. Один мужчина, высокий, бородатый, которого Коля знал как кузнеца Семёна, спросил,

куда их ведут. Он говорил спокойно. Не вызываяще. Просто хотел знать.

Ответа не получил. Тогда повторил. На этот раз вооружённый человек подошёл ближе. Несколько секунд они смотрели друг на друга. Семён не отвёл глаз. В деревне его считали человеком сильным. Коля видел однажды, как он один переворачивал тяжёлую тележную ось, которую двое мужчин не могли поднять. Сейчас его сила ничего не значила. Солдат указал ему в сторону общей колонны. Семён не двинулся.

На улице стало тише. Мать крепче сжала Колину руку. Он почувствовал. Не потому, что боялась за Семёна. Потому что боялась того, что сейчас увидят дети. Но выстрела не было. Двое мужчин подошли, схватили кузнеца за руки, ударили под рёбра, толкнули в снег. Он упал на колено. Поднялся сам. Лицо у него стало серым. Он посмотрел на деревенских. Не просил помощи. Просто посмотрел. Потом встал в колонну. Коля долго следил за его спиной. Ему казалось важным, что Семён поднялся сам. Эта мелочь вдруг стала похожа на сопротивление. Не победу. Даже не неповиновение. Просто нежелание остаться лежать там, куда тебя бросили.

Рассвело. Не сразу. Сначала чёрные силуэты домов стали серыми. Потом снег приобрёл синеватый оттенок. Небо оставалось низким. Солнца не было. Обычно зимним утром деревня оживала постепенно. Из труб шёл дым. Скрипели ворота. Слышались топоры. Кто-нибудь шёл к колодцу. Теперь дым тоже поднимался. Печи остались растопленными.

Но дома пустели. Коля смотрел на их избу. Дверь была открыта. Внутри наверняка ещё сохранялось тепло. На столе оставалась миска. На кровати — смятая подушка. В печи горели дрова. Он вдруг понял, что не закрыл дверь. Эта мысль была такой обычной, что от неё стало больно. Мать всегда ругала, если дверь оставалась открытой зимой. Тепло уходит. Дрова зря. Теперь никто не возвращался её закрывать. На другом конце улицы закричала женщина. Не просто плакала. Кричала так, будто её режут. Люди повернули головы. От сарая выводили молодого мужчину.

Коля не сразу узнал его. Это был сын Аграфены — Фёдор. Он несколько месяцев прятался. Говорили, что ушёл к партизанам. Потом будто бы вернулся ночью к матери. Теперь его нашли. Руки у него были заведены назад. Лицо разбито. Аграфена бросилась к нему. Её оттолкнули. Она упала. Несмотря на возраст, тут же поднялась. Снова пошла. Её снова оттолкнули. На этот раз сильнее. Женщина осталась сидеть в снегу. Коля смотрел на неё и вдруг увидел, что она не плачет. Глаза были сухими. Она просто смотрела на сына. Так смотрят, когда понимают, что уже ничем не помогут. Фёдора увели отдельно. Куда — никто не видел. Через несколько минут со стороны сараев раздались выстрелы. Три. Почти подряд. Катя вздрогнула. Мать сразу прижала её голову к себе. Не дала смотреть. Коля посмотрел. Не увидел ничего. Только снег. Сарай. Несколько тёмных фигур. Ему очень хотелось спросить, что произошло.

Но он уже знал. Наверное, именно в тот момент он перестал верить, что всех просто пересчитают и отпустят. Колонна двинулась. Без команды, которую Коля понял бы. Просто передние пошли, задних начали толкать. Мать быстро переложила мешок. Катя оказалась между ней и Колей. Так они пошли втроём. По своей улице. Мимо своего дома. Мимо колодца. Мимо школы. Мимо липы, на которую Коля летом лазил, несмотря на запреты. Мимо сарая дяди Павла. Каждое место было знакомым. И одновременно уже не принадлежало им. Возле школы Коля заметил на снегу книгу. Наверное, выпала у кого-то из детей. Учебник. Он узнал обложку. Букварь. Одна страница раскрылась. Снег ложился прямо на буквы. Коля хотел поднять книгу. Не потому, что она была нужна. Просто книга не должна лежать в снегу. Он даже сделал шаг в сторону. Мать удержала. Едва заметно покачала головой. Он подчинился.

Через минуту букварь остался позади. Когда они вышли за край деревни, Коля оглянулся. Дома стояли под снегом. Из труб шёл дым. Отсюда всё выглядело спокойно. Если бы человек оказался на дороге далеко и не слышал криков, мог бы подумать, что жители просто сидят дома. Потом возле крайней избы показалось пламя. Сначала маленькое. Жёлтое пятно в окне. Коля решил, что ему показалось. Но через несколько секунд огонь выбился наружу. Кто-то поджёг соломенный навес. Ветер подхватил пламя. Женщины в колонне начали оборачиваться. Послышались крики. Охрана то-

ропила людей. Мать тоже посмотрела. Лицо её изменилось. И в этот момент Коля понял, почему слово «сожгли деревню» раньше не укладывалось в его голове. Теперь укладывалось. Дом действительно можно сжечь. Потом следующий. Потом ещё один. Деревня не сгорает сразу. Она исчезает по одному дому. Одному окну.

Одной крыше. Одной комнате. Одной кровати. Одной фотографии. Катя остановилась. Просто встала посреди дороги. Коля едва не налетел на неё. Она смотрела назад. Огонь уже был виден лучше. Девочка спросила о куклином платье. Мать не поняла. Катя повторила. Её запасное платье для куклы осталось дома. В другой день Коля рассмеялся бы. Сейчас никто не рассмеялся. Мать присела перед дочерью прямо на дороге. На несколько секунд перестала замечать охрану, людей, снег. Поправила ей платок. Сказала тихо, что кукле хватит того платья, которое на ней сейчас. Катя подумала. Потом кивнула. Это был один из последних детских вопросов, которые она задаст в ближайшие недели. Дорога тянулась через поле. Снег местами доходил до щиколоток.

Колонна растягивалась. Старики отставали. Детей брали на руки. Мать несколько раз предлагала понести Катю, но та отказывалась. Наверное, боялась отпустить Колину руку. Коля тоже не отпускал. Пальцы уже замёрзли. Он почти не чувствовал ладони сестры. Но продолжал держать. У него возникла странная мысль: если отпустит, Катя исчезнет. Не отойдёт. Не потеряется. Именно исчезнет. Поэтому, когда

рука затекала, он осторожно перехватывал её другой. Впереди шли вооружённые люди. Позади тоже. Иногда вдоль колонны проходили те, кто следил за порядком. Они торопили. Показывали, чтобы шли быстрее. Коля заметил, что чем дальше они отходят от деревни, тем меньше взрослые разговаривают. Сначала женщины спрашивали друг у друга, куда их ведут. Мужчины строили догадки. Кто-то говорил — на станцию. Кто-то — на проверку. Кто-то — на работы. Потом разговоры стихли.

Остался только звук шагов. Скрип снега. Кашель. Плач детей. Да тяжёлое дыхание стариков. Люди будто сэкономили не только силы, но и слова. Через несколько километров колонна остановилась. Причину никто не понял. Впереди что-то происходило. Люди столпились. Коля переступал с ноги на ногу. Мороз проникал внутрь валенок. Катя начала дрожать. Мать сняла с себя шаль и обмотала её вокруг дочери. Коля заметил, что сама она осталась почти без защиты от ветра. Хотел сказать. Не сказал. Снял свой шарф и протянул матери. Она отказалась. Тогда он молча накинул ей на плечи. Она посмотрела на него. Несколько секунд не двигалась. Потом всё-таки оставила. Коля почувствовал что-то похожее на гордость. Даже здесь. Даже сейчас. Потому что впервые сделал для матери то, что раньше всегда делала она для него. Рядом стоял Семён. Тот самый кузнец. На губе запеклась кровь.

Он заметил Колю. Кивнул. Мальчик ответил. Семён го-

ворил с мужчинами тихо. Не прямыми словами. Коля слышал лишь отдельные фразы. Если погонят в лес. Если начнут разделять. Не отдавать детей. Держаться вместе. Потом кто-то прошептал о попытке разбежаться. Семён резко отрицательно покачал головой. Поле открытое. Снег. Дети. Старик. Куда? Все понимали. Сопротивление иногда означало не броситься на оружие. Иногда — не дать панике разорвать людей раньше времени.

Колонна снова двинулась. Теперь шли по лесной дороге. Снег на ветках лежал тяжёлыми пластами. Здесь было тише. Деревня исчезла за поворотом. Огонь больше не был виден. Коля подумал, что это хорошо. Потом почувствовал стыд за эту мысль. Будто если не видишь горящего дома, значит, он не горит. Он несколько раз пытался представить свою комнату. Получалось. Стол. Стена. Полка. Окно. А потом картинка разрушалась. Он видел пламя. И никак не мог его убрать.

В лесу им встретилась ещё одна колонна. Навстречу не шла — влилась сбоку. Люди из другой деревни. Коля сразу понял. Такие же мешки. Такие же дети. Такие же лица. Снег на одежде. Женщина несла младенца, завернутого в одеяло. Старик тащил узел на верёвке. Мальчик примерно Колиного возраста вёл за руку двух маленьких девочек. Они посмотрели друг на друга. Не поздоровались. Но Коля вдруг почувствовал, что этот незнакомый мальчик понимает его лучше многих взрослых. Потому что у него в глазах был тот же вопрос. Не «что происходит». Не «кто эти люди». Один вопрос.

Куда?

К полудню они вышли к большой дороге. Там стояли грузовики. Много. Некоторые уже были заполнены людьми. От машин пахло бензином, маслом и холодным железом. Людей стали делить на группы. Здесь впервые возник настоящий страх разделения. Женщины хватали детей. Мужчины старались держаться рядом с семьями. Все слишком быстро поняли, что разделить могут прямо сейчас. Мать прижала Катю к себе. Колин локоть схватила так сильно, что ему стало больно. Он не жаловался. Им повезло. Пока семью не разделили. Всех троих направили к одной машине. Семёна увели в другую сторону. Перед тем как исчезнуть среди людей, он снова посмотрел на Колю. На этот раз не кивнул. Просто посмотрел. Коля запомнил его лицо. Потом они больше никогда не встретятся. В кузов их загоняли быстро. Коля помог Кате подняться. Потом залез сам. Мать оказалась рядом. Люди сидели на деревянных лавках и прямо на полу.

Места почти не было. Кто-то держал ребёнка на коленях. Кто-то стоял. Борт был высокий. Из-за него ничего не видно. Только верхушки деревьев. Двигатель завёлся. Катя сразу схватилась за мать. Коля сел возле борта. Когда машина тронулась, его качнуло. Он ухватился за холодную доску. Колонна грузовиков двинулась. Никто не знал куда. Через щель между досками Коля видел дорогу. Она уходила назад. Снег. Следы машин. Лес. Иногда мелькали дома. Чужие деревни. Какие-то уже пустые. У одного дома дверь была открыта.

Во дворе бегала собака. Она бросилась вслед за грузовиком. Долго бежала. Лаяла. Потом отстала. Коля смотрел на неё, пока мог. Почему-то ему хотелось, чтобы собака догнала. Будто если хоть кто-то способен вернуться туда, откуда их увозят, значит, дорога не окончательная. Мать почти не говорила. Она держала детей возле себя. Иногда поправляла Катин платок. Иногда касалась Колиного плеча. Необходимости в этих прикосновениях не было. Она просто проверяла. Оба здесь. Оба рядом. Коля понял это. И тоже начал время от времени касаться сестриной руки. Проверять. Здесь. Грузовик ехал долго. Коля потерял счёт поворотам. Потом машина остановилась. Людей выгрузили возле какого-то большого здания. Вокруг уже было много других. Слышались команды. Стояли вооружённые охранники. За зданием виднелись рельсы. Коля посмотрел туда. Сначала не понял. Потом увидел вагоны.

Товарные. Тёмные. С маленькими зарешеченными окошками под крышей. На путях стоял длинный состав. Людей гнали именно к нему. Мать увидела тоже. Он почувствовал, как её пальцы на мгновение дрогнули. Но лицо осталось спокойным. Слишком спокойным. Такое спокойствие Коля уже начинал узнавать. Оно означало, что мать очень боится. К вечеру снег перестал. Небо стало прозрачнее. На западе появилась узкая полоска холодного света. Людей держали возле вагонов. Коля стоял рядом с Катей и смотрел, как изо рта идёт пар. Она устала. Положила голову ему на плечо. Мать

накрыла обоих своей рукой. Перед ними открывали тяжёлую дверь одного из вагонов. Металл скрипнул. Внутри было темно. Настолько темно, что оттуда будто начиналась ночь. Людей стали загонять внутрь. Коля смотрел на эту чёрную прямоугольную пустоту и впервые почувствовал настоящий, холодный страх не перед человеком, не перед оружием и не перед выстрелом.

Перед неизвестностью. Он уже не видел дома. Не видел деревни. Не видел дороги назад. Теперь перед ним была только тёмная дверь вагона. Катя тихо спросила, куда они едут. Мать ответила не сразу. Потом сказала, что скоро узнают. Коля слышал её голос. Спокойный. Почти обычный. Но почувствовал руку. Она сжимала его плечо. Слишком сильно. И тогда он понял: мама не знает. Никто не знает. А значит, вопрос, который до этого жил у всех где-то глубоко внутри, теперь стал единственным. Куда они нас везут?

Глава 3. Ночью лаяли собаки

Дверь вагона закрыли снаружи. Сначала потянули тяжёлую створку. Она шла туго, с протяжным металлическим скрежетом, будто сопротивлялась сама. Потом что-то ударило о железо. Лязгнул засов. Темнота стала полной. Несколько секунд никто не говорил. Коля чувствовал рядом Катино плечо, чувствовал локоть матери, слышал чьё-то частое дыхание у самого лица, но не видел ничего. Даже собственных рук. Вагон пах деревом, сыростью, старой соломой и чело-

веческой одеждой. Быстро прибавился запах пота, мокрой шерсти, валенок, дыхания, страха. Последний запах невозможно было назвать, но Коля потом много раз вспоминал именно его. Страх тоже имеет запах. Не свой. Он складывается из слишком большого количества людей, которым тесно, холодно и которые не понимают, что с ними будет дальше. Кто-то застонал. Кто-то спросил, все ли дети внутри. Кто-то начал звать жену.

Ему ответили из дальнего угла. Слова тут же затонули в других голосах. Некоторое время люди пытались устроиться. Одни садились на пол, другие оставались стоять. Кто-то освобождал место старикам. Женщины укладывали детей себе на колени. Те, кому удалось взять узлы, подкладывали одежду под спину или голову. Места всё равно не хватало. Коля сначала стоял. Потом мать нашла участок стены и усадила Катю возле себя. Его поставила рядом. Пол был холодным. Через доски тянуло. Катя сразу поджала ноги. Куклу она всё ещё держала под пальто. Коля видел только слабое движение её рук. Глаза постепенно привыкали. Под крышей оказалось маленькое отверстие, затянутое металлической решёткой. Через него проникала тонкая полоска серого света. Этого хватало лишь на то, чтобы различать силуэты. Лица оставались тёмными. Как будто все люди уже перестали быть самими собой и превратились в одну большую, сжатую темнотой массу.

Поезд долго не трогался. Это было хуже движения. По-

ка вагон стоял, людям казалось, что ещё можно что-то изменить. Кто-то стучал в дверь. Сначала осторожно. Потом сильнее. Просил воды. Ему никто не отвечал. Женщина у стены пыталась докричаться до кого-то снаружи. Возможно, там остался муж. Или сын. Коля не понял. Она называла имя. Повторяла. Снова и снова. Через несколько минут голос стал хриплым. Потом она замолчала. Снаружи слышались шаги. Команды. Удары дверей соседних вагонов. Иногда крик. Потом опять шаги. Коля прислушивался. Ему казалось, что по этим звукам можно понять, что происходит. Но чем внимательнее он слушал, тем меньше понимал. Поезд тронулся неожиданно. Сначала вагон дёрнуло. Люди покачнулись. Кто-то упал. Послышался детский крик. Потом колёса тяжело двинулись по рельсам. Медленно. С неохотой. Металл заскрипел. И наконец за стенами вагона возник ритм.

Стук. Пауза. Стук. Пауза. Так дорога вошла в их жизнь. Коля прижал ладонь к доске. Она дрожала. Катя подняла голову. Спросила, поехали ли они. Мать кивнула. Девочка спросила куда. На этот раз мать ничего не ответила. Не попыталась успокоить. Не сказала, что скоро приедут. Просто провела рукой по её волосам. Коля понял. Молчание было честнее. Сначала он пытался считать. Стук колёс. Остановки. Повороты. Время. Ему казалось, если считать, дорога будет понятнее. Раз, два, три, четыре... Он дошёл до ста. Потом начал сначала.

Через некоторое время потерялся. Слишком однообраз-

ным был звук. Он проникал в голову. Становился частью дыхания. Через час или два невозможно было понять, сколько времени прошло. Свет под крышей то становился чуть ярче, то снова тускнел. Наверное, поезд ехал между лесами. Или мимо станций. Иногда снаружи слышался другой состав. Тогда вагон наполнялся громом. После всё снова возвращалось к одному и тому же ритму. Стук. Стук. Стук. К полуночи стало холоднее. Люди сидели теснее. Мать притянула Катю к себе. Коля прижался с другого бока. Так было теплее. Он чувствовал, как дрожит сестра. Сначала мелко. Потом всё сильнее. Мать сняла с себя ещё одну кофту и накрыла её. Коля понял, что ей самой почти нечего осталось. Снова хотел отдать матери что-нибудь своё. Но уже нечего было. Шарф он отдал раньше. Оставались куртка, рубаха, свитер. Снять одно — значит самому начать мёрзнуть.

Он впервые столкнулся с мыслью, что иногда нельзя помочь другому, не ослабив себя. Это было неприятное знание. Взрослое. Он отвернулся. У дальней стены плакал ребёнок. Совсем маленький. По голосу Коля решил, что ему не больше двух лет. Плач был сначала громким. Потом усталым. Мать ребёнка пыталась его укачать. Говорила что-то тихо. Не песню. Скорее повторяла одни и те же слова. Малыш не успокаивался. Кто-то раздражённо попросил тише. Почти сразу другой мужчина огрызнулся, что пусть попробуют сами заставить ребёнка не плакать. Начался короткий спор. Женщина с малышом заплакала тоже. Коля сидел в

темноте и слушал. Ему было странно, что люди могут ссориться из-за плача ребёнка. Потом понял. Они ссорились не из-за ребёнка. Из-за беспомощности. Из-за тесноты. Из-за страха. Из-за того, что никто не мог открыть дверь.

Через некоторое время мать достала хлеб. Тот кусок, который удалось сохранить. Разломила. Получилось несколько неровных частей. Самую маленькую оставила себе. Коле дала больше. Кате — ещё больше. Он заметил. Мать думала, что нет. Коля разломил свой кусок пополам. Одну часть незаметно сунул ей. Она сразу поняла. Покачала головой. Он настоял. Не словами. Просто положил хлеб на её ладонь и отвернулся. Мать долго держала кусок. Потом всё-таки съела. Коля не видел её лица. Но почувствовал, как она коснулась его плеча. Этого было достаточно. В вагоне было ведро. О нём никто не говорил, пока нужда не заставила. Сначала один старик попросил людей отвернуться. Потом женщина повела туда ребёнка. Постепенно стало ясно, что стесняться бессмысленно. Темнота помогала. Но не полностью. Коля ещё никогда не видел, как быстро исчезают вещи, которые в обычной жизни считались важными.

Стыд. Уединение. Порядок. Право побыть одному. Здесь ничего этого не было. Каждое движение замечали другие. Каждый кашель. Каждый стон. Каждый шёпот. Человек переставал принадлежать себе. Коля это чувствовал, хотя не мог сформулировать. Ему просто хотелось отвернуться от всех. Но места для этого не было. Ночью поезд остановился.

Резко. Людей качнуло. За стеной послышались голоса. Снаружи лаяли собаки. Коля сразу вспомнил деревню. Ту ночь. Первый лай. Потом второй. Потом всю улицу. Он закрыл глаза. На несколько секунд ему показалось, что он снова дома. Сейчас мать поднимется. Подойдёт к окну. Снаружи снег. Печь тёплая. Катя спит. Отец может вернуться. Потом кто-то за стеной вагона крикнул. И воспоминание исчезло. Собаки продолжали лаять. Звук был другой. Ближе. Злее. Коля понял, что теперь будет бояться собак. Не всех. Но ночного лая. Он уже не будет воспринимать его как обычный деревенский звук.

Каждый раз будет ждать, что следом появятся шаги. Удары. Чужие голоса. Дверь не открыли. Поезд постоял. Потом снова пошёл. Люди начали дремать. Не спать. Именно дремать. Голова падает на грудь. Тело проваливается на несколько минут. Потом вагон дёргает. Человек просыпается. Коля тоже несколько раз засыпал. Каждый раз просыпался с мыслью, что потерял Катю. Сразу шарил рукой рядом. Находил её плечо. Успокаивался. Однажды сестра проснулась от его движения. Не спросила ничего. Просто взяла его за запястье. Так и уснула. Коля долго не двигался. Рука затекла. Но он боялся высвободиться. Пусть держит. Пока держит — значит, рядом.

Под утро стало особенно холодно. Обычно перед рассветом мороз крепчает. В вагоне это ощущалось всем телом. Доски промёрзли. По стенам выступила влага. Дыхание лю-

дей стало видимым. Коля видел белые облачка возле лиц. Пахло сыростью. У кого-то начался кашель. Глубокий. Сухой. Женщина напротив пыталась согреть ладонями пальцы своей дочери. Растирала. Дышала. Девочка не плакала. Только смотрела. Коля заметил, что у неё нет варежек. Хотел предложить свои. Но у него тоже не было. Он спрятал руки под мышки. Потом почувствовал стыд. Будто совершил что-то плохое.

Когда стало светлее, люди начали различать друг друга. Лица выглядели изменившимися. Серые. Опухшие от недосыпа. Волосы растрёпаны. На одежде солома. У кого-то кровь на губе. У кого-то грязь. Ночь состарила всех. Коля смотрел на мать. Она тоже изменилась. Глаза глубже. Под ними тени. Но движения оставались спокойными. Она по-прежнему поправляла Кате платок. Проверяла, не промокли ли носки. Перекладывала хлеб. Будто если продолжать заботиться о мелочах, можно удержать мир от окончательного разрушения. Коля понял это позже. Тогда он просто видел маму. И пока она была рядом, мог выдержать.

Утром поезд остановился на станции. Через решётку под крышей проник более яркий свет. Кто-то встал на носки и пытался выглянуть. Люди передавали друг другу, что видят. Крыша. Столб. Часть платформы. Надпись. Какие-то буквы. Мужчина, который немного понимал немецкий, попытался прочесть. Название было незнакомым. Коля повторил его про себя. Не потому что понял. А чтобы запомнить. Если

помнить названия станций, можно будет потом найти дорогу назад. Эта мысль придала ему сил. Он решил отслеживать маршрут. Каждую остановку. Каждое слово. Каждый знак. Детская вера в порядок снова пыталась построить из хаоса схему.

Через некоторое время дверь открыли. Свет ударил в глаза. Люди зажмурились. Внутри вошёл холодный воздух. Кто-то крикнул, чтобы никто не выходил. Дали воду. Не всем сразу. Одно ведро. Потом второе. Началась толкотня. Мать удержала детей возле стены. Не полезла вперёд. Ждала. Когда вода дошла до них, её осталось немного. Коля пил из чужой кружки. Металлический край был ледяным. Вода пахла железом. Никогда ещё она не казалась такой вкусной. Катя пила медленно. Мать остановила её. Не потому, что жалела. Потому что понимала, вода может закончиться. Коля снова увидел, как война меняет значение простых вещей. Хлеб. Вода. Тепло. Сон. Раньше они были фоном жизни. Теперь стали её содержанием.

На станции он услышал детский плач снаружи. Не из их вагона. Где-то дальше. Потом женский крик. Очень громкий. Люди внутри замолчали. Никто не видел, что произошло. Но все слушали. Крик повторился. Потом оборвался. Дверь захлопнули. Поезд снова тронулся. Коля подумал, что самое страшное здесь — не видеть. Когда не видишь, воображение делает всё хуже.

Днём стало чуть теплее. Вагон нагрелся от людей. Вме-

сте с теплом усилился запах. Воздух стал тяжёлым. Дышать было трудно. Окно под крышей слишком маленькое. Люди по очереди вставляли ближе к нему. Кто-то пытался просунуть пальцы сквозь решётку. Просто почувствовать наружный воздух. Коля тоже захотел. Но не стал. Сестру нельзя оставлять. Он понял, что теперь многие решения будет принимать не за себя. Это чувство одновременно давило и придавало смысл.

В середине дня женщина у двери упала в обморок. Сначала никто не понял. Она просто осела. Люди подняли её. Дали воды. Расстегнули ворот. Кто-то сказал, что ей не хватает воздуха. Мужчины начали стучать в дверь. Просить открыть. Ответом был крик снаружи. Кто-то ударил по железу. После этого стучать перестали. Женщина пришла в себя. Долго дышала ртом. Мать посадила Катю ближе к щели между досками. Там немного тянуло. Обычно сквозняк считался плохим. Теперь он был спасением. Коля снова попытался считать время. Не получилось. В вагоне сутки распались. Нет утра. Нет дня. Нет вечера. Есть только светло и темно. Есть остановка. Есть движение. Есть вода. Есть ожидание. Человек перестаёт жить по часам. Начинает жить от одного события до другого. Когда откроют дверь. Когда дадут воду. Когда поезд остановится. Когда ребёнок перестанет плакать. Когда снова начнёт.

Под вечер один мужчина сказал, что, судя по направлению, их везут на запад. Кто-то возразил. Другой предполо-

жил Ригу. Это слово Коля услышал впервые отчётливо. Рига. Оно прошло по вагону. Люди повторяли. Кто-то знал, что это город. Кто-то слышал о море. Кто-то сказал, что там работают фабрики. Другой — что есть лагеря. После этого разговор затих. Слово осталось. Рига. Коля повторил его про себя. Ему не нравилось, как оно звучит. Не потому, что было страшным. Потому что чужое. Очень далёкое.

Ночью снова лаяли собаки. На другой станции. На этот раз Катя проснулась сама. Сразу вцепилась в мать. Коля тоже открыл глаза. Никто ничего не сказал. Лай был за стеной. Рядом. Потом слышались шаги. Двери соседних вагонов открывали и закрывали. Кто-то кричал. Кто-то плакал. И снова Коля подумал о доме. Не о всём. О маленьких вещах. О кружке отца. О печи. О картофелинах. О книжке, оставленной на снегу возле школы. Он вдруг захотел вернуться именно за этой книгой. Поднять. Отряхнуть снег. Отнести внутрь. Почему-то это казалось важным. Если книга останется лежать в снегу, значит, никто не вернулся. Он уснул под утро. Снилось деревня. Не горящая. Обычная. Лето. Он идёт по дороге. Катя бежит впереди. Мать стоит у колодца. Отец чинит забор. Всё на месте. Только собаки лают. Сначала одна. Потом все. Коля идёт дальше. Никто не обращает внимания.

Он хочет сказать, что нужно спрятаться. Но голоса нет. Он открывает рот. Не может крикнуть. Собаки лают всё громче. Потом лай превращается в стук колёс. Он просыпается. Темно. Поезд идёт. Катя рядом. Мать рядом. И он впервые

понимает, что сон был не воспоминанием. Он уже начал забывать. Дом во сне был слишком правильным. Слишком целым. Таких домов больше не бывает. По крайней мере для них. Коля повернулся к стене. Положил ладонь на холодную доску. За ней была ночь. Где-то там оставалась дорога. Где-то ещё дальше — их деревня. А впереди было место, название которого они ещё не знали. И именно это место уже ждало их.

Глава 4. Утро, которого не должно было быть

Утро пришло не светом. Сначала изменился звук. Колёса начали стучать реже, вагон слегка покачнуло, потом поезд пошёл медленнее. Люди просыпались один за другим, ещё не открывая глаз, будто тело раньше сознания поняло, что что-то изменилось. Коля тоже проснулся от тишины. Не полной. Настоящей тишины в вагоне уже не было. Кто-то кашлял, кто-то тяжело дышал, в углу шуршала одежда, ребёнок всхлипывал во сне. Но исчез привычный ритм колёс, к которому за эти сутки все успели настолько привыкнуть, что перестали замечать. Без него стало тревожнее. Коля долго лежал, не двигаясь. Катя спала, прижавшись к матери. Во сне она поджала ноги и спрятала лицо у неё под мышкой. Кукла торчала из-под пальто — один лоскутный рукав и половина головы. Мать не спала. Она сидела, прислонившись спиной к стене вагона, и смотрела на маленькое решётчатое окно. Слабый серый свет падал ей на лицо.

За последние сутки оно изменилось ещё сильнее. Под глазами легли тёмные тени. Губы пересохли. Щёки словно заострились. Но Коля заметил другое. Она всё чаще смотрела не на людей, а на выход. Будто пыталась заранее понять, что будет, когда дверь откроется. Он сел. Мать заметила движение и приложила палец к губам. Не потому, что нужно было соблюдать тишину. Она просто не хотела будить Катю. Этот обычный жест вдруг поразил Колю. Потому что в мире, где всё ломалось, мать всё ещё заботилась о том, чтобы ребёнок поспал немного дольше. Поезд окончательно остановился. Через несколько минут снаружи раздались голоса. Потом шаги. Двери соседних вагонов начали открывать. Металл скрипел один за другим. Каждый скрежет приближался. Люди внутри невольно подтянулись. Кто мог — встал. Кто-то пригладил волосы. Кто-то застегнул пальто. Женщина у стены быстро поправила платок на голове, словно собиралась выйти не из товарного вагона под охраной, а на обычную станцию.

Коля заметил и это. Люди цеплялись за привычки. За мелкие движения. За необходимость выглядеть человеком. Даже там, где с ними обращались уже не как с людьми. Когда открылась дверь, дневной свет ударил внутрь так резко, что многие отвернулись. Коля зажмурился. После темноты всё вокруг казалось слишком белым. Снег. Небо. Пар от дыхания. Формы людей снаружи. Даже воздух выглядел холодным. Несколько секунд никто не двигался. Потом последо-

вала команда. Людей начали выгонять. Не выпуская далеко. Просто строить возле вагонов. Мать разбудила Катю. Девочка открыла глаза и сначала не поняла, где находится. Потом сразу схватилась за куклу. Коля помог ей подняться. Она пошатнулась. Ноги затекли. Он взял её под локоть. Так они выбрались наружу.

Станция была маленькая. Несколько путей. Низкое здание. Склад. Деревянный забор. Коля не знал названия. На стене висела табличка, но буквы были неизвестными. Он попытался прочесть. Не получилось. Мужчина рядом тоже смотрел. Кто-то сказал, что это уже не Белоруссия. Другой возразил. Третий тихо произнёс, что давно уже не Белоруссия. Люди заговорили шёпотом. Словно само предположение о том, что они пересекли какую-то невидимую границу, делало происходящее окончательным. Коля смотрел на снег. Он был таким же. Деревья тоже. Небо. Холод. Ничего не изменилось. И всё же внутри возникло ощущение, что дом стал дальше. Не на несколько километров. Намного. Будто за эту ночь между ними выросло пространство, через которое невозможно пройти пешком.

Людей не отпускали от вагонов. Охрана стояла вдоль состава. Некоторые курили. Дым сигарет смешивался с морозным воздухом. Коля смотрел, как один из солдат стряхивает пепел на снег. Движение было спокойным. Почти ленивым. Это злило сильнее крика. Люди вокруг мёрзли. Дети плакали. Кто-то просил воды. А он курил. Будто всё происходя-

щее было для него обычной частью утра. Воду снова принесли в вёдрах. На этот раз меньше. Началась давка. Несколько женщин старались пробиться вперёд с кружками. Мужчины просили не толкаться. Один ребёнок упал. Его тут же подняли. Коля держал Катю за плечо. Мать держала обоих. Так они двигались втроём. Не разрываясь. К воде подошли поздно. Им досталось по несколько глотков. Катя попросила ещё. Мать покачала головой. Не потому, что не хотела. Потому что воды больше не было. Девочка ничего не сказала. И Коля снова отметил эту перемену.

Она стала реже просить. Словно за одни сутки уже поняла: многие просьбы здесь бессмысленны. С другой стороны вагона произошёл шум. Коля не видел сначала. Люди загораживали. Потом кто-то отступил, и появилась женщина, сидевшая прямо на снегу. Рядом лежал старик. Тот самый, который ночью дышал особенно тяжело. Коля вспомнил его. Седая борода. Большие руки. Он почти не разговаривал. Теперь старик лежал неподвижно. Женщина держала его голову на коленях. Не плакала. Просто гладила волосы. Один из охранников подошёл. Показал, чтобы она отодвинулась. Она не поняла. Или не захотела. Тогда другой мужчина из заключённых осторожно взял её за плечи. Что-то сказал. Женщина посмотрела на него. Потом на старика. Потом позволила себя поднять. Коля следил. Тело осталось на снегу. Людей начали загонять обратно. Никто его не унёс. Несколько минут старик лежал возле вагона.

На него падал снег. Коля подумал, что сейчас кто-нибудь вернётся. Но никто не вернулся. Поезд тронулся, а он остался. Эта картина застряла в памяти. Не смерть. Сам факт оставления. Человек ехал вместе со всеми. Слушал. Дышал. Мёрз. А потом остался лежать на чужой станции. И поезд ушёл. Как будто его никогда не было. В вагоне после остановки стало тише. Люди думали о старике. Никто не говорил его имени. Коля даже не знал его. Это мучило. Он вдруг захотел узнать. Кем он был. Где жил. Были ли у него дети. Кто теперь будет знать, где он умер. Но спросить оказалось не у кого. Женщина, сидевшая возле него, уехала в другом вагоне. И Коле впервые пришла мысль, которая потом будет возвращаться всё чаще: человек может исчезнуть не тогда, когда умирает. А тогда, когда некому помнить его имя.

День тянулся бесконечно. Поезд снова шёл. Иногда быстро. Иногда медленно. Несколько раз долго стоял в стороне от станций. Через щель Коля видел другие составы. Военные платформы. Тёмные цистерны. Вагоны с солдатами. Где-то далеко мелькнул город. Каменные дома. Трубы. Снег на крышах. Это длилось несколько минут. Потом снова лес. Дорога. Поля. Коля пытался запоминать всё. Ему казалось: если сохранит в голове путь, сможет когда-нибудь вернуться. Но дорога была слишком длинной. Станции сливались. Названия путались. День и ночь переставали иметь границы. Скоро он уже не был уверен, сколько времени они едут. Один день? Два? Три? Катя начала жаловаться на живот. Тихо. Так, что-

бы мать не слышала. Но она всё услышала. Положила ладонь на живот дочери. Спросила, где болит. Катя показала. Мать ничего не могла сделать. Это было видно. Она просто поглаживала её.

Долго. Медленно. Коля сидел рядом. Чувствовал собственный голод. Поначалу он ощущался как пустота. Потом стал болью. Потом притупился. Осталась слабость. Хлеб почти закончился. Картофелины были сырые. Мать дала каждому по небольшой. Катя долго жевала. Коля ел медленно. Кожура хрустела на зубах. Раньше он бы такую картошку выплюнул. Теперь съел до конца. Даже грязь счищал пальцем и облизывал. Потом долго смотрел на пустую ладонь.

Разговоры постепенно стали другими. В первый день люди обсуждали, куда их везут. На второй — что будет. Теперь говорили о еде. О воде. О детях. О том, кто заболел. О том, у кого остался хлеб. Будущее сузилось. Не до недели. Не до войны. До следующей остановки. До следующего ведра воды. До вечера. Это изменение было незаметным, но Коля почувствовал. Люди переставали спрашивать, когда их отпустят.

Ближе к вечеру вагон снова наполнился слухами. Кто-то услышал от охранника название. Кто-то понял по разговору на станции. Снова прозвучала Рига. Потом другое слово. Сначала тихо. Потом ещё раз. Саласпилс. Коля никогда его не слышал. Слово показалось тяжёлым. Слишком длинным. Он повторил про себя. Са-лас-пилс. Чтобы не забыть. Мужчина возле двери сказал, что слышал о таком месте. Его сра-

зу начали спрашивать. Он отвечал уклончиво. Что-то вроде лагеря. Работы. Бараки. Больше ничего. Или не знал. Или не хотел говорить при детях. Коля заметил, как мать напряглась. Она перестала гладить Катю. На мгновение. Потом продолжила. Но уже иначе. Медленнее.

Слово пошло по вагону. Саласпилс. Не громко. Люди повторяли, словно пробовали на вкус. Кто-то не понимал. Кто-то слышал впервые. Кто-то спросил, далеко ли от Риги. Ответа не было. Коля посмотрел на мать. Она не спросила ничего. Только притянула детей ближе. Ночью одному мужчине стало плохо. Он сидел у стены. Сначала просто тяжело дышал. Потом начал просить воздуха. Люди пытались поднять его ближе к решётке. Не хватало места. Кто-то стучал в дверь. Никакого ответа. Мужчина хрипел. Коля не мог не слушать. Хотел закрыть уши. Не сделал. Мать повернула голову Кати к себе. Чтобы та не смотрела. Но Коля смотрел. Не на мужчину. В темноте почти ничего не было видно. На мать. Её лицо. Она понимала, что ничем не может помочь. И именно беспомощность мучила её сильнее страха.

Утром мужчина был жив. Это вызвало почти облегчение. Коля понял, насколько изменился их мир. Теперь уже сам факт, что человек дожил до утра, казался хорошей новостью. Перед рассветом кто-то начал молиться. Тихо. Сначала одна женщина. Потом ещё несколько. Голоса были едва слышны. Коля знал некоторые слова. Мать тоже. Она не присоединилась вслух. Только перекрестилась. Катя увидела и повторила.

ла. Неловко. Пальцы дрожали. Коля не стал. Не потому, что не верил. Он вдруг рассердился. На Бога. За что? За дом. За отца. За людей. За эту дорогу. За старика на снегу. Он сам испугался своей мысли. Опустил голову. Потом всё же перекрестился. Быстро. Чтобы никто не заметил.

Когда стало светло, поезд вошёл в другой мир. Это Коля почувствовал сразу. Леса стали реже. Появились больше дорог. Дома. Столбы. Какие-то склады. Промышленные здания. Потом всё чаще стали попадаться люди. Город приближался. Кто-то встал к решётке. Передавал остальным. Много путей. Дома. Трубы. Снова дома. Коля встал тоже. Ему удалось посмотреть. Совсем немного. Серое небо. Крыши. Снег. Какой-то мост. Провода. Он никогда не видел такого большого города. В другой жизни это могло бы восхитить его. Теперь не вызвало ничего. Город был просто ещё одним чужим местом. Поезд не остановился в центре. Пошёл дальше. Город остался позади. Снова появились леса. Отдельные дома. Поля. Но теперь люди в вагоне уже были уверены: Рига где-то рядом. И значит, слово Саласпилс тоже. Мать вынула фотографию отца. Просто на несколько секунд. Посмотрела. Потом снова завернула.

Коля заметил. Ему вдруг стало страшно от другой мысли. Что отец может вернуться домой. После войны. Придёт. А дома нет. Никого нет. Деревня сгорела. И никто не скажет, куда их увезли. Он представил отца на пустой дороге. С рюкзаком. И от этой картины стало хуже, чем от всех вагонов.

Потому что в ней была надежда, которая опоздала. Катя снова задремала. Голова упала Коле на плечо. Он не двигался. Мать смотрела на обоих. Коля чувствовал её взгляд. И впервые заметил, что в нём появилось что-то новое. Не только любовь. Не только страх. Решимость. Жёсткая. Почти отчаянная. Как будто она уже дала себе обещание: что бы ни произошло, детей она не отдаст. Коля не знал, что совсем скоро именно это обещание окажется страшнее всего. Потому что в мире, в который их везли, матери могли хотеть одного. А решали другие.

К полудню поезд начал замедляться. Надолго. Без рывков. Люди почувствовали. Разговоры стихли. Все стали смотреть на дверь. Колёса стучали всё реже. Потом вагон дёрнуло. Остановился. За стеной слышались голоса. Много. Команды. Лай собак. Шум машин. Далёкий металлический звон. Коля почувствовал, как Катя проснулась. Не открывая глаз, она сразу нашла его руку. Мать взяла вторую. Так они сидели втроём. Держась друг за друга. Снаружи открывали вагоны. Скрежет приближался. Один. Второй. Третий. Потом металлический засов ударил совсем рядом. Мать сжала Колину ладонь. Он посмотрел на неё. Она не отвела глаз. И в этот момент дверь поехала в сторону. В вагон вошёл холодный дневной свет. Коля увидел снег. Людей в форме. Ограду. Высокие столбы. Проволоку. И дальше — длинные тёмные бараки. Никто не произнёс название вслух. Но оно уже было известно. Саласпилс.

Часть II

За воротами

Глава 5. Земля за проволокой

Дверь вагона открылась не сразу до конца. Сначала появилась узкая полоска света. Она прорезала тёмный воздух внутри, легла на пол и на несколько секунд сделала видимыми чужие сапоги, край ведра, клочок соломы, чью-то ладонь, лежавшую на колене. Потом створку рванули сильнее. Свет стал широким, белым, холодным. Люди зажмурились.

Коля тоже закрыл глаза. После нескольких суток в полутьме снег за дверью казался ослепительным — сплошной белой плоскостью, в которую были вставлены чёрные фигуры людей, тёмные бараки, столбы и проволока. Первое, что он почувствовал, был воздух: свежий, морозный. Он должен был принести облегчение после тяжёлого вагонного духа, но вместо этого обжёг горло. Коля вдохнул глубже и закашлялся.

Снаружи уже кричали. Короткие, резкие команды не требовали перевода: быстрее, выходить, не останавливаться. Люди внутри зашевелились. Кто-то поднял ребёнка, кто-то попытался взять узел, кто-то не мог разогнуть ноги. После долгой дороги тело перестало слушаться.

Мать поднялась первой. Сначала помогла Кате, потом

протянула руку Коле. Он сам мог встать, но всё равно взял её ладонь. Не из-за слабости — просто потому, что она была рядом. Катя держалась с другой стороны. Три руки, мать посередине. На несколько мгновений это казалось почти достаточной защитой.

Людей заставляли спрыгивать на землю. Высоко. С непривычки ноги подкашивались. Коля спустился первым и сразу повернулся к сестре. Мать передала её ему. Катя прыгнула неловко, и он поймал её. Девочка была легче, чем раньше, или ему только показалось. Мать сошла последней. Пока она спускалась, кто-то сзади толкнул её прикладом — не сильно, просто нетерпеливо.

Коля увидел. Внутри словно что-то вспыхнуло. Он шагнул вперёд, не подумав, рука сама сжалась. Мать мгновенно заметила. Не сказала ни слова, просто положила ладонь ему на плечо — сильно, так, что пальцы впились через одежду. Он остановился. Понял: не сейчас, не здесь, не так. Сопротивление иногда заключалось в том, чтобы не дать себя спровоцировать на поступок, после которого дети останутся без матери.

Вагоны стояли длинной цепью. Из каждого выпускали людей. Толпа быстро росла, над головами поднимался пар, снег под ногами превращался в грязную кашу. Коля смотрел вокруг и пытался понять, что это за место. Никакого города. Никакой станции в обычном смысле. Рельсы уходили в сторону. Дальше — дорога, потом ограда, высокие столбы,

несколько рядов проволоки. За ней стояли бараки — низкие, тёмные, одинаковые.

Именно одинаковость пугала. Дом всегда отличается от другого дома: у одного крыша выше, у другого окно кривое, у третьего дерево возле крыльца. Здесь ничего не отличалось. Одинаковые стены, одинаковые двери, одинаковая земля. Никаких дворов, никаких тропинок, которые принадлежали бы кому-то. Пространство было разделено не изгородями, а проволокой.

Коля смотрел на неё дольше всего. Она шла рядами, слишком высоко для обычного забора. Он сразу понял: перелезть нельзя. Даже не потому, что охрана увидит. Сама конструкция говорила без слов: отсюда не уходят.

Мать тоже смотрела. В вагоне она ещё старалась сохранять лицо спокойным; теперь спокойствие стало жёстким. Она быстро осматривала всё вокруг, словно запоминала: ворота, башню, бараки, расстояние, людей, охрану. Наверное, думала не о себе. Коля уже умел узнавать этот взгляд — мать искала, откуда может прийти опасность для детей.

Катя ничего этого не понимала. Её внимание зацепилось за снег. На нём лежала маленькая детская варёжка — одна, тёмная, мокрая. Катя посмотрела на неё, потом на свою руку. Наверное, хотела поднять, но мать потянула дальше. Тряпичная кукла выглядывала из-под пальто, голова моталась при каждом шаге.

Людей строили в несколько рядов. Никто не объяснял

зачем. Коля видел взрослых мужчин отдельно. Женщин с детьми пока оставляли вместе. Стариков держали у края. Кто-то пытался спросить, где они. Ответов не было. Слово «Саласпилс» уже ходило между людьми. Теперь оно получило вид — и этот вид не понравился никому.

Коля ожидал чего-то другого. Возможно, большой каменной тюрьмы, высоких стен, чего-то, что само выглядело бы как страшное место. Здесь было хуже. Бараки стояли среди снега почти буднично, словно их построили для обычной работы. От этого становилось не легче, а страшнее: зло, похожее на порядок, трудно заметить заранее.

Толпа сдвинулась. Их погнали к воротам. Коля не понял, где именно начиналась территория лагеря. Сначала дорога, потом ограда, ещё один участок, внутренние ворота. Всё пространство было устроено так, чтобы человек переставал чувствовать направление. Он шёл туда, куда указывали, поворачивал, когда поворачивали остальные, останавливался, когда останавливались.

Коля поймал себя на том, что перестал смотреть под ноги, просто двигался. Это испугало. Он специально посмотрел вниз: снег, грязь, множество следов. Некоторые большие, некоторые совсем маленькие — детские. Значит, они не первые. До них здесь уже проходили другие. Наверное, тысячи. И эта мысль была тяжелее самого вида лагеря: если до них было много людей — куда они делись?

За воротами пахло иначе. Не только дымом. Уголь,

мокрое дерево, сырая одежда, какая-то кислая еда, дым от печей — и ещё что-то, больничное, но не совсем. Коля не понял. Позже он будет узнавать этот запах. Лагерь тоже имел запах, как вагон, как деревня, как дом. Только к этому запаху привыкать нельзя.

У первого барака стояла группа заключённых. Не все были в одинаковой одежде: кто-то в старых пальто, куртках, изношенных брюках. Они выглядели иначе, чем вновь прибывшие. Не только потому, что были худее. Что-то было в лицах — взгляд человека, который уже давно живёт здесь и смотрит не на событие, а на последствия.

Один мужчина увидел детей. Его лицо едва заметно изменилось. Он ничего не сказал, только посмотрел. Очень долго. Коля поймал этот взгляд и почувствовал холод, не от мороза. Взрослый человек смотрел на них так, как смотрят на тех, кому невозможно помочь.

Кате стало тяжело идти. Она спотыкалась. Коля снова взял её за руку, мать поддерживала с другой стороны. Иногда девочка почти висела между ними. Не жаловалась, только дышала ртом. Губы побледнели. Мать всё время смотрела на неё. Коля видел, как она хотела взять дочь на руки, но мешок мешал. Тогда он сам забрал мешок.

Мать взяла Катю. Несла несколько минут. Охранник что-то крикнул, подошёл ближе, и ей пришлось поставить девочку на землю. Коля заметил, как её руки дрожат — не от тяжести, от злости. Она не посмотрела на охранника. Навер-

ное, понимала, что лицо выдаст всё.

Их привели к площадке между бараками. Там уже находились другие группы. Люди сидели на земле, некоторые стояли, дети плакали. Женщины пытались прикрыть их собой от ветра. Коля увидел девочку лет пяти: она сидела прямо на снегу без шапки, волосы спутались. Рядом стояла женщина, вероятно мать, и пыталась объяснить охраннику, что ребёнку нужно внутрь. Её не слушали. Она вернулась, сняла с себя платок и намотала дочери на голову. Сама осталась без него.

Этот жест Коля запомнил. Здесь почти все матери делали одно и то же: отдавали детям сначала одежду, потом хлеб, потом воду, потом силы. Себе оставляли последнее. Иногда — ничего.

Они стояли долго. Сколько — никто не знал. В лагере время начинало снова ломаться. В вагоне оно измерялось остановками, здесь — командами: стоять, идти, ждать, повернуться, перейти, снова ждать. Коля начал считать бараки, потом потерял. Лагерь оказался больше, чем казалось, и всё время появлялись новые люди — из других составов, машин, групп.

В какой-то момент рядом прошла колонна мужчин. Их вели быстро. Коля стал искать Семёна, сам не зная зачем. Хотел увидеть знакомое лицо. Не нашёл. Может, кузнец был в другом месте, может, их разделили раньше. Может, остался на дороге. Отсутствие знакомого лица впервые заставило Колю почувствовать, что привычный мир распадается не

только на места, но и на людей. Человек был — потом исчез. И никто не знает куда.

Мать начала тихо говорить детям правила: не отходить, ничего не поднимать без неё, не брать из чужих рук, не спорить. Если начнётся толкотня — держаться друг за друга. Если кто-то попытается увести одного — кричать. Последнее она сказала особенно жёстко. Коля посмотрел на неё. Почему именно увести одного? Мать не объяснила. Он понял: она уже чего-то боится, о чём пока не хочет говорить.

Через некоторое время к ним подошёл человек в форме с бумагами. Рядом был переводчик. Начали спрашивать фамилии, место рождения, возраст, состав семьи. Мать отвечала. Коля слушал, и всё звучало странно. Их жизнь превращалась в короткие слова: фамилия, имя, год рождения, деревня, отец — на фронте, дети — двое. Несколько строк на бумаге, и всё. Ни отцовского ремня, ни печи, ни яблони, ни куклы, ни дороги к колодцу. Человек становился записью.

Когда спросили об отце, мать на секунду замолчала. Потом сказала: на фронте. Переводчик уточнил — Советская армия? Она кивнула. Человек записал без выражения. Коле захотелось крикнуть, что отец жив, хотя он не знал. Просто чтобы никто не записал его как исчезнувшего. Но промолчал.

Их вещи начали проверять. Мешок забрали. Мать попыталась удержать — не силой, словами, показывая, что там детская одежда. Не помогло. Узел раскрыли. Рубашки, нос-

ки, картофелины, хлеб, фотография. Коля напрягся. Снова отцовский снимок оказался в чужой руке. Человек в форме задержал взгляд, переводчик задал вопрос. Мать ответила. Фотографию положили отдельно.

Тогда она впервые действительно сорвалась. Не закричала, но сделала резкий шаг и потребовала вернуть. Голос стал низким, жёстким. Охранник повернулся. Коля взял мать за рукав. Она не заметила. Переводчик сказал что-то человеку в форме; тот раздражённо махнул рукой. Фотографию бросили обратно. Мать поймала и на секунду прижала к груди, потом спрятала под одежду.

В глазах были слёзы, но она не плакала. Она выиграла маленькую битву, настолько маленькую, что никто, кроме детей, её не заметил. Но Коля понял: здесь даже фотографию нужно защищать. Значит, скоро придётся защищать всё.

Солнце так и не показалось. День оставался серым. Снег пошёл снова, редкий, мелкий. Снежинки задерживались на проволоке — белое на чёрном. Красиво. Эта красота злила Колю. Как может снег оставаться таким же? Почему небо не изменилось? Почему природа не видит, что здесь происходит? Он ещё не знал, что самые страшные вещи всегда происходят под обычным небом.

Вдалеке раздался детский крик — резкий, не плач, один крик, потом второй. Коля и мать одновременно повернулись, но между бараками ничего не было видно. Через минуту всё стихло. Лагерь снова зажил своими звуками: шаги, команды,

стук дверей, кашель, лай. И Коля понял, что тишины здесь не бывает. Даже когда никто не говорит, лагерь звучит постоянно, как механизм.

Их снова куда-то повели. Проход был узкий: с одной стороны проволока, с другой барак. Снег здесь вытоптан до чёрного. Местами выступала грязь. Лежали щепки, куски ткани, обрывок верёвки, пуговица, детская деревянная ложка. Коля смотрел на эти мелочи и понимал: каждая вещь означала человека. Ложка была у кого-то, пуговица держала чью-то одежду, верёвка связывала чей-то узел. Люди исчезают. Вещи остаются.

Возле одного барака стояла группа детей без взрослых. Мать остановилась на мгновение — совсем чуть-чуть, но Коля заметил. Дети были разных возрастов, некоторые совсем маленькие. Одна девочка держала мальчика за руку; тот плакал. Рядом не было ни одной женщины, которая выглядела бы их матерью. Мать посмотрела слишком долго. Охранник поторопил, она пошла, но лицо изменилось. Теперь Коля тоже начал понимать, почему она всё время повторяет: держаться вместе.

Катя увидела у одного ребёнка деревянную лошадку без колеса. Долго смотрела, потом повернулась к своей кукле и проверила, на месте ли она. Коле стало больно. Катя всё ещё находила в этом месте игрушки, а он уже видел только предупреждения.

Их привели к длинному строению. Внутри людей сно-

ва записывали, отбирали часть вещей, направляли в разные стороны. Коля не понимал порядка, но заметил: мужчины и женщины начинают расходиться. Сначала по несколько человек, потом больше. В толпе возникло движение. Жёны хватали мужей, матери — детей. Все поняли смысл раньше, чем прозвучала команда.

Мать резко притянула обоих к себе, так сильно, что Катя пискнула. Страх, который она всё это время прятала, вышел наружу — не истерикой, а животной сосредоточенностью. Она наклонилась к детям и быстро сказала: что бы ни случилось, держаться вместе. Не отпускать друг друга. Если поведут — идти вместе. Если начнут тянуть — цепляться. Если потеряются — помнить её имя, фамилию, деревню, имя отца.

Коля замер. Почему запомнить? Он всё и так знает. Мать поняла вопрос без слов и впервые сказала то, чего избегала: если нас разделят.

Катя сразу заплакала. Мать прижала её. Коля стоял рядом и запрещал себе плакать. Ему было одиннадцать, но кто-то должен был выглядеть сильным.

Очередь двигалась. Перед ними стояла женщина с тремя детьми. Младшего она держала на руках, старший мальчик цеплялся за юбку. Когда подошла их очередь, человек в форме указал женщине и детям разные стороны. Она сначала не поняла, затем прижала младшего сильнее. Сказала «нет» — сначала тихо, потом громче. Двое подошли. Один попытался

взять ребёнка. Женщина закричала — не просьбой, не словом, а звуком, каким кричит живое существо, у которого отнимают детёныша.

Её оттащили. Дети остались. Старший мальчик бросился за матерью. Его схватили. Он бил руками, кусался, пинался. Маленький, но сопротивлялся всем телом. Коля смотрел, и в груди всё горело. Вот оно — то, чего боялась мать. Теперь не слух и не возможность. Это происходило в нескольких шагах.

Их очередь подошла. Человек за столом проверил бумагу, посмотрел на детей, сказал что-то переводчику. Мать должна пройти в одну сторону. Дети — в другую. Коля понял слова медленно, мать — сразу. Она побледнела, отрицательно покачала головой и сказала, что дети идут с ней. Переводчик повторил приказ. Она снова сказала «нет». Не громко, но так, что Коля почувствовал: на этот раз она не уступит.

Охранник подошёл. Мать встала перед детьми, своим телом обозначив границу. Коля видел её спину — тонкую, в старом пальто, шарф на шее. Такая маленькая спина — и против неё лагерь, ограда, охрана, приказы, весь этот порядок. На несколько секунд ему показалось, что мать сильнее просто потому, что стоит и не отступает.

Потом один мужчина схватил её за плечо. Она вырвалась. Второй потянул Колю. Он вцепился в мать. Катя закричала. Мир сузился до кусочков: лицо матери, чужой рукав, чья-то рука, кукла падает на снег, Катя тянется за ней, кто-то

поднимает девочку за локоть. Мать кричит имена детей.

Коля схватил её пальцы. Очень сильно. Чужие руки тянули в разные стороны. Материнская ладонь была тёплая, живая. Ногти впились ему в кожу. Больно — и это было хорошо. Пока больно, рука рядом.

Но взрослый человек сильнее одиннадцатилетнего мальчика. Его оттащили. Пальцы разжимались по одному. Большой, указательный, средний. Последний. Коля почувствовал пустоту в ладони. Несколько секунд — так мало нужно, чтобы закончилась прежняя жизнь.

Он закричал. Наверное, «мама». Катя тоже. Мать пыталась вернуться, её держали. Она что-то кричала детям: вместе, Катю не бросай, запомни. Потом людей между ними стало больше. Мать исчезала и появлялась между плечами, шапками, формой. Один раз Коля увидел её руку, поднятую над толпой. Потом и рука исчезла.

Катя стояла рядом и кричала. Коля схватил её так сильно, что девочка задыхалась. Не отпускал. Теперь рука сестры стала единственной оставшейся связью. Мать сказала держаться вместе. Он будет держать.

Их повели дальше. Коля шёл, всё время оборачиваясь, спотыкался, его толкали. Каждый раз он надеялся увидеть мать. Не увидел. Только людей, снег, проволоку, бараки и чужие лица.

На земле осталась Катина кукла. Коля вспомнил слишком поздно. Там, где была толкотня, лежал маленький тряпич-

ный свёрток — лицом вверх, синие вышитые глаза, красный почти стёртый рот. Катя тоже увидела и рванулась обратно. Он удержал. Она заплакала сильнее. Коля хотел вернуться всего на несколько шагов, поднять игрушку, но между ними уже стоял охранник.

Тогда мальчик сделал первое по-настоящему взрослое решение своей жизни: оставил куклу. Потому что мать велела держать Катю. Игрушка осталась на снегу. Сестра — рядом. Он выбрал человека, но выбор всё равно ощущался как предательство.

Их повели к тёмной длинной постройке. Коля пока не знал названия — детский барак. Катя плакала уже без звука, только плечи вздрагивали. Коля держал её и иногда оглядывался. Мать не появлялась.

Перед входом ноги на секунду перестали слушаться. Коля посмотрел на землю — тёмную, сырую, истоптанную сотнями ног. Землю за проволокой. Дома земля пахла весной, картошкой, дождём, травой. Там её копали, на ней работали, по ней бегали летом босиком. Здесь земля словно ничего не рождала. Только принимала следы.

Он ещё не знал слов, которыми можно было бы описать это чувство. Не знал, сколько детей прошло здесь до него, сколько останется навсегда. Не знал даже, увидит ли мать завтра. Он знал только одно: за воротами осталась дорога, а перед ним — барак. И между этими двумя точками прошла граница, которую нельзя увидеть на карте: граница между

жизнью, в которой ребёнок держится за руку матери, и жизнью, в которой ему приходится держать за руку другого ребёнка, чтобы тот не исчез.

Глава 6. По фамилиям

В барак их не пустили сразу. Дети стояли у стены, прижавшись друг к другу, и ждали, пока внутри закончится перекличка. Дверь то открывалась, то закрывалась, выпуская тёплый тяжёлый воздух, пахнувший сыростью, старой соломой, человеческим телом и чем-то кислым, неприятным.

Коля держал Катю за руку. После долгого плача лицо у неё опухло, веки покраснели, ресницы слиплись. Иногда она ещё всхлипывала, но звук выходил слабый, почти безголовый. Коля боялся отпустить её даже на секунду. Материнские слова — держаться вместе — теперь звучали внутри как приказ. Он повторял их про себя всякий раз, когда кто-нибудь проходил рядом или дверь открывалась.

Детей было много — двадцать, тридцать, может, пятьдесят. Они стояли группами: кто с братом, кто с сестрой, кто совсем один. Некоторые находились здесь уже не первый день. Это было видно сразу: они меньше смотрели по сторонам, не спрашивали, где матери, не пытались понять, что будет дальше. У них был другой взгляд — не столько испуганный, сколько усталый. Такой бывает у людей, которые уже знают ответ и потому больше не спрашивают.

Один мальчик лет двенадцати или тринадцати стоял у сте-

ны, засунув руки под мышки. Очень худой, в старой шапке без одного уха. Он смотрел на вновь прибывших спокойно. Когда Катя тихо позвала маму, мальчик отвёл глаза — не из равнодушия, а словно потому, что слышал это уже слишком много раз.

Коля заметил ещё одну странность: почти никто из старших детей не плакал. Совсем маленькие — да. Они звали матерей, цеплялись за чужие рукава, просились домой. Дети постарше молчали. Будто существовал возраст, после которого плакать становилось бессмысленно. Коля чувствовал, что и сам приблизился к этой границе. Ему хотелось кричать, но рядом Катя. Если он заплачет, она испугается ещё сильнее.

Из барака вышла женщина в старой серой одежде, не в форме. Лицо худое, волосы спрятаны под платком. Она быстро осмотрела детей, поговорила с охранником и стала распределять их. Маленьких — отдельно, старших — дальше. Коля сразу напрягся. Катя почувствовала это и прижалась. Когда женщина подошла, он невольно шагнул вперёд, будто самым телом хотел объяснить: эта девочка со мной.

Женщина спросила возраст. Коля ответил. Она уточнила про сестру, несколько секунд молчала, потом показала, чтобы они пока оставались рядом. Облегчение было маленьким и почти стыдным, потому что рядом в этот момент разделяли других.

Одну девочку лет пяти увели в сторону малышей. Её стар-

ший брат вцепился в неё обеими руками, что-то быстро объяснял. Женщина пыталась развести их спокойно. Мальчик не отпускал. Тогда подошёл охранник и ударил его по рукам. Пальцы разжались. Девочку увели. Брат остался стоять и смотрел — не плакал. Коля узнал этот взгляд: так он сам недавно смотрел туда, где исчезла мать.

Перед входом стоял стол. За ним человек с бумагами, рядом переводчик. Каждого ребёнка спрашивали отдельно: фамилия, имя, возраст, откуда, с кем прибыл, где родители. Коля слушал ответы. Одни знали всё, другие путались, маленькие называли только имя. Кто-то не помнил название деревни. Его спрашивали снова, ребёнок пугался ещё сильнее и забывал даже то, что знал.

Коля вдруг испугался бумаги. Если он скажет что-то неправильно? Если фамилию запишут не так? Потом мать будет искать, а его нет в списке. Он начал повторять про себя: фамилия, имя, год рождения, деревня, имя матери, имя отца, Катя — семь лет. Повторял как урок. Только ошибка здесь могла стоять не двойки.

Когда подошла их очередь, Катя спряталась за него. Коля назвал фамилию, имя, возраст. Потом — сестру. Переводчик переспросил название деревни, человеку за столом было трудно его записать. Коля повторил по слогам. Увидеть запись не мог и от этого нервничал. Когда его уже хотели отвести, он снова произнёс название, громче. Человек поднял глаза, что-то поправил в бумаге. Коля не знал, правильно ли,

но хотя бы попытался.

Спросили о матери. Где? Коля посмотрел назад, словно она могла появиться. Ответил: их разделили, куда увели — не знает. Человек записал без реакции, как будто речь шла не о матери, а о пустой графе. Отец? На фронте. Где? Неизвестно. Жив? Коля замолчал. Сказать «да» — неправда. Сказать «нет» — невозможно. После паузы ответил: не знаю.

Катю спросили отдельно. Имя она произнесла так тихо, что пришлось повторить. Возраст показала семью пальцами. Потом спросили, кто рядом. Тут она ответила уверенно, громче всего, что говорила за день: «Брат». И прижалась к Коле. Только эта связь ещё оставалась бесспорной.

Им прикрепили к одежде небольшие куски ткани с номерами. Катя разглядывала свой, переворачивала. Коля почувствовал неприятное: фамилия была их, отцовская, домашняя. Номер ничего не значил — и именно поэтому его заставляли носить. Он запомнил свой номер, затем Катин. На всякий случай. Если их разведут. Если будут спрашивать. Он уже начинал жить не тем, что происходит сейчас, а тем, что может произойти хуже. Никто не объяснял правил — дети сами учились ожидать беду раньше, чем она придёт.

Внутри барака было темнее, чем Коля ожидал. Свет падал через небольшие окна. Доски стен почернели, нары стояли рядами в два, местами в три яруса. На них лежала грязная сбитая солома, кое-где тонкие матрасы. Воздух почти не двигался: снаружи холодно, внутри душно и сыро.

Катя закрыла нос ладонью. Мальчик в шапке без уха заметил и негромко сказал, что скоро привыкнут. Коля посмотрел на него. Не хотел привыкать ни к чему. Но ничего не ответил.

Им показали место — не отдельное, просто часть нижних нар. Там уже сидела девочка лет девяти. Она подвинулась. Коля посадил Катю и сам устроился с краю, ближе к проходу. Так легче видеть. Он уже думал как человек, который должен охранять, хотя охранять было нечем.

Женщина в сером прошла по барaku и быстро перечислила правила: без разрешения не выходить, на перекличку вставать сразу, маленьких не оставлять одних, еду не терять, воду экономить, о заболевших сообщать, ночью не шуметь, к двери не подходить без вызова, чужого не брать. Последнее вызвало тихую усмешку у кого-то из старших. Женщина услышала, но не отреагировала.

Коля подумал, что правила похожи на обычные: не воровать, помогать маленьким, слушаться. Только смысл другой. В обычной жизни правило нужно, чтобы всё было правильно. Здесь — чтобы выжить.

Катя спросила, где мама. Первый раз после входа. Коля не знал, что отвечать. Сказать, что придёт? А если нет? Сказать, что не знает? Он посмотрел на старших детей. Мальчик в шапке стоял недалеко. Коля решился спросить.

Тот объяснил: женщин держат отдельно. Где именно — не знает. Некоторых отправляют на работы, некоторые оста-

ются. Коля слушал каждое слово и хотел точности, но здесь точности не было. Он спросил, видят ли дети потом матерей. Мальчик долго смотрел на него и ответил одним словом: иногда.

Коля ухватился за это слово. Не за «редко», не за «не знаю» — за «иногда». Значит, можно. Значит, мама может быть рядом, за другим забором, в другом бараке, на работе. Он повернулся к Кате и сказал, что мама здесь, где-то рядом, и они её найдут. Девочка поверила, потому что хотела. Коля тоже решил поверить, потому что иначе не мог.

Позже дали еду: миска жидкой похлёбки, тёмная вода, несколько крупинок и маленький кусок хлеба. Катя после нескольких ложек сказала, что невкусно. Коля посмотрел на неё. Раньше мать уговорила бы. Теперь он объяснил, что другого может не быть. Девочка задумалась и доела.

Свой хлеб Коля не съел сразу. Спрятал, потом достал и разделил. Половину дал Кате, хотя у неё был свой. Пусть будет. Девочка спрятала кусок под одежду. Так начиналась новая привычка: сначала не есть — спрятать, убедиться, что останется на потом.

К вечеру барак наполнился серым светом. Дети устраивались на нарах. Коля начал различать истории: мальчик из Полоцкой области; две сестры из другой деревни; девочка, не знавшая, где брат; маленький мальчик, которого привезли с бабушкой, а потом бабушку увели. Каждая история начиналась одинаково: дом, пришли, собрали, повезли, разде-

лили. Разные деревни, разные семьи — один порядок.

Усталость навалилась внезапно. Коля лёг рядом с Катей, повернулся к проходу. Сестра сразу прижалась. Волосы пахли дымом и вагоном. Раньше пахли мылом и домом. Запах дома исчезал первым.

В другом конце барака маленький ребёнок стал тихо звать мать. Сначала просто «мама», пауза, снова «мама». Никто не отвечал. Голос становился громче. Катя слышала. Потом прошептала: «Наша мама придёт?» Коля ответил слишком быстро: «Придёт». Испугался собственного ответа, но Катя успокоилась и закрыла глаза.

Ночью вошли люди с фонарями. Все старшие дети сразу сели. Кто-то читал фамилии. Несколько детей поднялись. Одна девочка не могла найти обувь, старшая сестра помогла, потом попыталась пойти вместе. Её остановили: в списке была только одна фамилия.

Коля почувствовал холод. Список. Одно имя. Не два. Значит, бумага сильнее родства.

Девочку увели. Сестра долго сидела на нарах, потом легла лицом к стене. Когда дверь закрылась, дети ещё долго шептались: работы, врач, другой барак. Слухи рождались быстро, потому что информации не было. Если никто не рассказывает правду, разум начинает придумывать. Иногда выдуманное страшнее правды, иногда — наоборот.

Коля лежал рядом с Катей, слушал её дыхание и решил, что теперь каждое утро будет проверять: лоб, кашель, руки,

ест ли, пьёт ли, может ли встать. Мать делала бы так. Значит, теперь будет он.

Перед сном он снова повторил номера, фамилию, имя матери, имя отца, название деревни — как молитву. Не забыть. Не дать отнять. Пока он помнит всё это, он всё ещё Коля. сын, брат, человек из дома, где была печь, яблоня и отцовская кружка. Не номер. Не строка. Не ребёнок из списка.

Ночью приснилась школа. Учительница спрашивала фамилию. Он отвечал, а она говорила: неправильно. Спрашивала, где живёт. Коля называл деревню, а учительница показывала карту — там было белое пятно. Он пытался кричать, что дом был, что мать там жила, отец ушёл оттуда, Катя родилась там. Но голос исчезал, а название стирали с доски.

Коля проснулся до рассвета, сразу коснулся номера на одежде, затем прошептал фамилию и название деревни.

Помнил. Только после этого смог снова дышать спокойно. И понял: здесь нужно будет бороться не только за хлеб, тепло и жизнь. Ещё — за память о том, кем ты был до ворот. Потому что если забыть это самому, никто здесь не напомним.

Глава 7. Не отпускай меня

Коля проснулся от холода. Не от крика, не от открывшейся двери. Холод добрался сквозь одежду, доски, солому и тонкое одеяло, которым они с Катей укрывались вдвоём. Сначала перед глазами была тёмная стена, где-то рядом кто-то кашлял, сверху шуршала солома. Несколько секунд в го-

лове ещё существовал дом — печь, окно, белая яблоня, мать. Потом память вернулась сразу, как удар.

Он резко повернулся. Катя спала рядом, подтянув колени, одной рукой держала его за рукав. Пальцы были сжаты так крепко, будто во сне она боялась, что он исчезнет. Коля осторожно коснулся лба: не горячий. Проверил дыхание: ровное. Только тогда немного успокоился.

За окнами начинало сереть. Свет не освещал барак, а словно проявлял его: края нар, детские головы, скомканные одеяла, обувь, миски, лица. Некоторые лица казались слишком взрослыми для своего возраста. Коля приподнялся. Рука затекла — всю ночь он лежал почти в одной позе из-за Катиной хватки. Когда начал разминать пальцы, сестра проснулась и, не открывая глаз, прошептала: «Ты здесь?»

Коля ответил не сразу. Его поразил сам вопрос. Не «утро?», не «где мама?», не «дадут есть?» — только: «ты здесь?» Он подтвердил. Катя открыла глаза, посмотрела и снова закрыла. Этого ей хватило.

Утро в бараке начиналось постепенно. Первые вставали те, кто хуже спал, потом маленькие, потом старшие. Кто-то поправлял одежду, искал обувь, сидел на краю нар и смотрел в пол. Некоторые дети просыпались и сразу звали мать. Таких становилось меньше — не потому, что скучали меньше, а потому, что начинали понимать: никто не отвечает.

В углу старшая девочка помогала четырёхлетнему мальчику застегнуть рубаху. Коля смотрел и думал, что здесь де-

ти всё время делают то, что дома делают матери: застёгивают, кормят, укрывают, вытирают лицо, успокаивают, обнимают ночью. Никто не учит. Просто однажды рядом остаётся человек младше тебя, и ты начинаешь делать, потому что больше никому.

Катя села. Волосы растрепались, одна коса совсем распалась. Мать всегда заплетала её утром. Коля попробовал сам. Получалось плохо, он слишком сильно тянул, Катя морщилась. Девочка, сидевшая рядом на нарах, молча наблюдала, потом протянула руку. Её звали Лида, ей было девять. Пальцами, без расчёски, она быстро разделила пряди и заплела две косы. Катя потрогала их и впервые за утро чуть улыбнулась.

Коля спросил Лиду, давно ли она здесь. Несколько недель. С кем привезли? На этот вопрос девочка не ответила, отвернулась. Коля понял, что спрашивать дальше нельзя.

Снаружи раздалась команда. Барак ожил мгновенно. Те, кто знал порядок, поднимали остальных. Женщина в сером прошла вдоль нар: перекличка. На улицу. Коля сразу взял Катю за руку, и она уже не удивилась.

Мороз за ночь усилился. Небо было почти белым, за бараками тянулся дым. Ветер шёл вдоль ограды и находил любую щель в одежде. Детей построили рядами. Коля поставил Катю перед собой и всё время касался ладонью её плеча — не держал, просто проверял: на месте.

Начали читать фамилии. Дети отвечали. За маленьких —

старшие. Коля отозвался на свою фамилию, затем на Катину. Человек с бумагами посмотрел на него и что-то отметил. Коля уже боялся любого движения карандаша: бумага здесь решала слишком многое.

Переключка длилась долго. Катя мёрзла, переминалась. Коля поставил её на свои валенки. Так ногам было немного теплее, а сам он мёрз сильнее. Терпел.

После переключки часть детей оставили на площадке, часть повели в сторону. Коля спросил Лиду, что происходит. Та не знала. Миша — тот самый мальчик с шапкой без уха — сказал, что иногда маленьких переводят отдельно. Слово «маленьких» сразу насторожило. Коля посмотрел на Катю. Семь лет. Это маленькая? Наверное, да.

Появилась женщина с бумагами. Она осматривала детей, называла фамилии, а потом стала выбирать маленьких просто по виду. Их отводили в сторону. Когда она приблизилась к Кате, Коля сразу шагнул вперёд. Женщина спросила возраст, сказала что-то человеку рядом. Тот посмотрел в бумагу и показал Кате выйти из ряда.

Коля не двинулся. Сказал, что это его сестра. Объяснили: младших переводят в другую группу. Он отрицательно покачал головой. Не спорил громко, только повторял, что они вместе и что мать велела. Последнее прозвучало почти бессмысленно — здесь приказ матери ничего не значил. Но для него значил всё.

Катя вцепилась в рукав. Женщина попыталась взять де-

вочку за руку, та спряталась за брата. Тогда подошёл охранник — высокий, в тёмной форме, тяжёлые сапоги. Он шёл не торопясь, и это было хуже, чем если бы бежал. Коля почувствовал, как сердце ударило сильнее. Хотелось отступить, но за спиной Катя.

Охранник указал девочке выйти. Коля не сдвинулся. Катя тоже. Секунда, другая. Мальчик понимал: победить не может, но отпустить тоже не может. Мать сказала держаться. Если нарушить последнее материнское распоряжение — что останется?

Охранник шагнул ближе. От него пахло табаком и мокрой шерстью. Он что-то сказал — тон был последним предупреждением. Тогда Катя заплакала и, прижавшись к брату, начала повторять: «Не отпускай меня». Коля обнял её обеими руками. Не как герой. Просто спрятал в себя.

Охранник схватил Колю за плечо, дёрнул. Катя закричала. Пальцы скользнули, рукав натянулся. На мгновение Коля снова почувствовал то же, что у ворот, когда разжималась материнская ладонь. Тот же страх: не снова. Только не снова. Он вцепился в Катю изо всех сил.

Вокруг смотрели дети, но никто не вмешивался — знали, что можно сделать хуже. И тут Лида подошла к женщине с бумагами и быстро что-то сказала, показывая на Катю и Колю. Позже он понял: объясняла, что девочка плохо переносит разлуку, брат за ней следит, с ним она спокойнее. Неофициальная причина, не правило. Но иногда судьбу ре-

бёнка решала чья-то усталость, случайная минута, нежелание связываться.

Женщина сказала что-то охраннику. Тот раздражённо отпустил Колю и махнул рукой: оставить. Без милости, просто не стал тратить время.

Коля несколько секунд не верил. Стоял, обнимая Катю. Ждал, что передумают. Других детей продолжили уводить. Среди них был тот четырёхлетний мальчик, которому утром застёгивали рубаху. Старшая девочка осталась. Она не плакала, только смотрела. Коля понял: сегодня повезло им. Не кому-то другому. И облегчение сразу смешалось со стыдом.

Вернувшись в барак, Катя долго не отпускала его. Даже когда нужно было сесть и когда дали воду. Она держала рукав. Коля осторожно высвободился, чтобы взять миску; сестра испуганно посмотрела. Он показал, что рядом. Только тогда она успокоилась.

Еды дали мало. Катя почти не ела. Коля не ругал — показывал ложкой, ждал, снова предлагал. Девочка сделала несколько глотков и отвернулась. Страх был сильнее голода.

После еды он нашёл Лиду. Она сидела у стены и чинила ниткой разорванный рукав. Коля не знал, что сказать: «спасибо» казалось маленьким, но других слов не было. Лида пожала плечами. Потом объяснила, что младших иногда уводят, некоторые возвращаются, некоторые нет. Куда — она не знает. Голос был слишком спокойным для девятилетней девочки.

Через паузу Лида сама сказала: у неё был младший брат Петька, пять лет. Их привезли вместе. Три недели назад его перевели в другой барак. С тех пор она не видела. Никто не сказал куда. Вот и всё — несколько предложений без подробностей. Коля понял, почему она сегодня вмешалась: не хотела, чтобы повторилось хотя бы с чужой сестрой.

Вечером Коля снова пытался узнать о матери. Спрашивал старших детей, женщину в сером, смотрел через окно на соседние бараки. Ответы были одинаковые: женщины отдельно; некоторых отправляют работать; кого-то переводят, кого-то увозят. Он спросил, можно ли передать записку. Женщина сначала хотела отказать, потом спросила, умеет ли он писать. Да. Бумаги нет. Карандаша тоже. Даже написать «мы живы» здесь было роскошью.

Ветер усилился, снег бил в окна. Барак скрипел. Дети сидели теснее. Коля смотрел наружу и думал: может быть, за этим снегом где-то другой барак. Может быть, мать тоже смотрит в такое окно и думает о них. Если она думает — связь есть. Пусть невидимая.

Катя весь вечер была слишком тихой. Наконец спросила, почему тот мужчина хотел её забрать. Коля ответил, что перепутали. Ложь была слабая. Девочка, возможно, поняла, но спорить не стала.

Перед сном она легла ближе к стене, Коля — с краю, закрывая проход. Катя сразу взяла его за рукав. Барак медленно стихал: где-то шептались, кто-то молился, кто-то плакал

под одеялом так тихо, что слышно было только судорожное дыхание.

Каждый звук у двери заставлял Колю напрягаться. Теперь он знал: дверь могут открыть в любое время, назвать фамилию, показать рукой — и человек исчезнет из жизни не потому, что умер, а потому, что его имя оказалось в другом списке.

Он думал о матери. Что бы она сказала? Похвалила бы, что удержал Катю, или ругала бы за риск? Раньше любое сомнение решалось просто: спросить маму. Теперь каждый выбор нужно делать самому.

Катя во сне зашевелилась, пальцы сжались на рукаве. Она тихо произнесла: «Не отпускай». Коля положил ладонь поверх её руки и внутри ответил: не отпущу. Это было детское обещание — почти невыполнимое в мире, где дети ничего не решали. Но иногда единственное сопротивление, которое остаётся человеку, — обещать невозможное и всё равно пытаться выполнить.

Ночью дверь открылась. Свет фонаря прошёл по нарам, назвали несколько фамилий. Не их. Коля почувствовал облегчение и сразу ненависть к нему: кто-то другой встал, кто-то другой стал одеваться, кто-то другой не знал, куда его ведут.

Когда дверь закрылась, Коля долго смотрел на пустое место, откуда увели мальчика. Адеяло осталось скомканным, миска — под стеной. Человек ушёл, вещи остались. Он лёг,

Катя прижалась, и снова внутри звучало: не отпускай. Мамино, Катино, его собственное. Три голоса, связанные вместе.

Он уже начинал понимать: в лагере можно потерять дом, имя, хлеб, вещи, родителей, даже представление о времени. Поэтому решил держаться хотя бы за одно — за маленькую тёплую руку, которая во сне всё ещё сжимала его рукав. Пока эта рука рядом, он ещё не один.

Глава 8. Женщины — туда, дети — сюда

Утром барак разбудили раньше обычного. Сначала открылась дверь, и внутрь вошёл холод, быстро пополз по полу и поднялся к нарам. Потом зажёгся фонарь. Женщина в сером проходила между детьми и торопила: одеваться быстрее, ничего не оставлять.

Эта фраза насторожила Колю. Обычно миски оставались под нарами, куски тряпок, одеяла. Теперь велели брать всё, что было при себе. Он повернулся к Кате. Она уже не спрашивала, просто смотрела. Сестра тоже научилась различать интонации взрослых — иногда слова уже не нужны.

Дети торопливо собирались. Кто-то искал обувь, кто-то прятал хлеб, кто-то привязывал оторвавшийся номер. Маленький мальчик потерял варежку и плакал, девочка постарше помогала искать. Коля чувствовал страх не столько перед тем, что случится, сколько перед самой переменой. За несколько дней даже барак стал чем-то понятным. Плохим, холодным, страшным — но понятным. Здесь были нары,

здесь спала Катя, здесь Лида. Теперь их куда-то вели. Значит, снова неизвестность.

На улице было ещё темно. Рассвет только начинался, снег казался синим, над лагерем висел дым. Коля невольно посмотрел туда, где, как ему казалось, могла находиться женская часть. Он всё это время пытался понять лагерь по движениям: откуда приходят группы, куда уводят, где появляются взрослые заключённые. Сначала всё было хаосом, потом начали проступать направления. Если наблюдать достаточно долго, можно хотя бы попытаться понять, где мать.

Детей построили. Коля встал рядом с Катей. Лида оказалась неподалёку. Когда женщина с бумагами прошла вдоль ряда, Катя сильнее сжала братову ладонь. Вчерашний страх не прошёл, просто спрятался. Коля наклонился и тихо сказал, что он рядом. Катя ничего не ответила, но руку не отпустила.

Охрана долго ждала распоряжений. Дети мёрзли. Коля снова поставил Катю на свои валенки. Слева стоял мальчик лет восьми, всё время шмыгал носом. Коля спросил, где родные. Мальчик пожал плечами: мать где-то здесь, отца увели раньше. Голос был без выражения, словно он сообщил, что потерял ложку. Дети начинали привыкать произносить страшные вещи спокойно.

Через некоторое время появилась колонна женщин. Сначала далеко, за двойной проволокой. Серые фигуры в платках и пальто шли между бараками. Некоторые несли ведра,

кто-то инструмент, кто-то поддерживал соседку. У Коли перехватило дыхание. Он стал искать: лицо, походка, платок, плечи, руки. Мама.

Колонна приближалась. Между ними оставались проволока, охрана и широкая полоса снега, но лица уже можно было различать. Катя увидела женщин и прошептала: «Мама?» Коля не ответил. Боялся дать надежду раньше времени, хотя сам уже искал отчаянно.

Одна женщина была похожа: тот же рост, платок, фигура, немного согнутая спина. Коля почувствовал, как сердце ударило. Может быть, она. Он сделал шаг. Охранник крикнул, и Коля остановился. Женщина в колонне повернула голову — на мгновение, профиль едва виден. Слишком мало, чтобы узнать. Слово «мама» уже поднялось внутри, но он сдержался. Помнил: крик привлекает охрану.

Катя не выдержала и позвала. Сначала тихо, потом громче. Несколько женщин повернули головы — не одна, почти сразу несколько. Это было страшно: каждая услышала не чужого ребёнка, а собственного. Некоторые замедлили шаг. Охрана закричала, колонну погнали быстрее. Одна женщина подняла руку над плечами. Коля не знал — к ним ли. Через секунду рука исчезла.

Катя снова крикнула. Коля быстро прикрыл ей рот ладонью. Девочка вырвалась и посмотрела на него с ужасом. Он объяснил шёпотом: нельзя, сейчас уведут; нужно только смотреть. Катя заплакала, но без крика.

Колонна прошла — слишком медленно и слишком быстро одновременно. Коля не понял, была ли мать. Раньше он просто не знал. Теперь ему казалось, что почти увидел. И «почти» оказалось мучительнее полного незнания.

Позже он спросил женщину в сером, откуда вели тех женщин. Рабочая команда. Куда? На разные работы. Где живут? В другом секторе. Можно передать имя? Женщина посмотрела на охрану и тихо сказала: не спрашивай при них. Этого Коле хватило. Не «нельзя навсегда», не «мать погибла» — просто не спрашивать здесь. Значит, где-то спросить можно.

Днём детей держали возле стены и давали еду. Коля ел быстро, всё время поглядывая на проход. Если женская колонна пойдёт обратно. Катя почти не ела и всё спрашивала глазами. Наконец он сказал: может быть, это была мама. Сестра услышала не «может быть», а только «мама».

До вечера Катя повторяла: мама здесь, за забором, она нас видела, она махнула рукой. Коля не поправлял. Иногда надежда тоже еда — плохая, ненадёжная, но без неё можно умереть раньше, чем от голода.

Вечером женская колонна появилась снова. Коля ждал. Он прижался к мутному стеклу, Катя рядом, Лида тоже подошла. Женщина, которую он принял за мать, шла ближе к краю. Теперь было видно: она хромот. Мать раньше не хромала. Коля тут же нашёл объяснение — могли ударить, могла заболеть нога. Надежда умела любой факт превратить в подтверждение.

Женщина повернула голову, и Коля почти увидел лицо. Не мать. Другие скулы, другой нос, старше. Всё внутри провалилось. Катя прошептала: «Вот она?» Потом сама поняла: нет.

Колонна прошла. Катя отошла от окна и села. Коля почувствовал злость — на ту женщину за сходство, на себя за то, что поверил, на лагерь за то, что здесь даже надежда превращается в издевательство.

Лида села рядом и сказала, что искать нужно не только глазами. Женщин много, их могут переводить. Можно спросить взрослых заключённых, которые ходят между бараками — тех, кто носит еду или убирает. Иногда они знают фамилии и могут передать слово, кусок бумаги, имя.

Коля сразу спросил, знает ли она кого-нибудь. Лида назвала мужчину — Иван, работает возле кухни, белорус. Иногда проходит рядом. Однажды помог девочке найти сестру. Коля запомнил: Иван. Кухня.

Вечером он начал ждать каждого взрослого, проходящего мимо окна. Катя спросила, кого он ищет. Коля сказал: человека, который может узнать про маму. Девочка сразу оживилась, и он пожалел, что сказал слишком много. Но поздно. Теперь искать нужно было не только ради себя.

После отбоя Коля составлял сообщение. Если увидит Ивана, что сказать? Имя матери, фамилия, деревня, двое детей — Коля и Катя, живы, в детском бараке. Коротко. Без длинных просьб. Главное — живы.

Он повторял эти слова как номер, как фамилию, как молитву. Поздно ночью за дверью прошли шаги. Коля проснулся мгновенно. Дверь не открылась. Катя спала, Лида тоже. И вдруг Коля понял: впервые за всё время он не только ждёт того, что сделают с ним. Он строит план — маленький, почти беспомощный, но свой.

Завтра найти Ивана. Передать имя. Если мать жива — она узнает. Если ищет — получит след. Остальное он не позволил себе додумать.

За окном шёл снег. Он ложился на крыши, проволоку, землю, на следы женской колонны. Через час следов почти не осталось. Коля смотрел на белую полосу и думал, как быстро здесь исчезает всё: след, имя, человек. Поэтому нужно успеть сказать, передать, запомнить. И если завтра встретится Иван, он скажет самое важное: мы живы.

Глава 9. Мамина рука

Утро началось с ожидания. Ещё до того, как Коля окончательно проснулся, внутри уже жила мысль об Иване, который работал возле кухни и, возможно, мог передать матери несколько слов. Вчера это было предположением. Сегодня стало задачей.

Коля лежал на нарах и повторял про себя: имя матери, фамилия, деревня, Коля, Катя, живы. Нужно сказать коротко, чтобы человек запомнил и не перепутал. В лагере у каждого было своё важное — ребёнок, мать, муж, кусок хлеба,

который нужно донести до вечера. Просить человека взять на себя ещё и чужую надежду было трудно.

Катя проснулась позже. Первым делом провела рукой по месту рядом, нашла его локоть и только после этого открыла глаза. Коля заметил: теперь она не спрашивала, здесь ли он — проверяла сама. Страх поселился настолько глубоко, что стал привычкой.

Лида снова заплела ей волосы. Катя сидела тихо, даже если чужие пальцы тянули слишком сильно. Коля думал: дети здесь учатся терпеть раньше, чем понимать зачем.

После переключки их вернули в барак. Коля почти сразу занял место у окна. Оттуда была видна часть прохода между строениями, угол соседнего барака и дорога к кухне. Людей, которые проходили, можно было увидеть всего на несколько секунд, но этого хватало.

Катя сначала смотрела вместе с ним, потом устала. Спросила, почему Иван не идёт. Коля ответил: работает. Сам подумал — а если вообще не придёт?

Прошло много времени. Женщина с ведром, двое мужчин с ящиками, заключённый с дровами, согнутый старик. Никто не был Иваном. И тут Коля осознал нелепость: он даже не знает, как тот выглядит. Лида нашла его возле окна и подсказала приметы: невысокий, худой, левая рука перевязана, на шапке светлая заплатка, иногда носит мешки. Теперь ожидание стало конкретным.

К полудню дали еду. Коля впервые ел раздражённо — хо-

тел закончить быстрее и снова смотреть. Катя жевала медленно. Он поймал себя на том, что торопит её взглядом, и сразу стало стыдно. Она не виновата. Он сел рядом и подождал.

Первый раз мужчину с перевязанной рукой он увидел уже после еды. Тот шёл быстро, нёс небольшой ящик, на шапке действительно была светлая заплата. Иван — наверное. Коля вскочил и подбежал к двери. Она закрыта. Женщина в сером была в другом конце. Пока он объяснял, мужчина исчез за углом.

Коля едва не заплакал от злости. Настолько близко — и всё. Женщина выслушала и сказала, что наружу нельзя. Он начал просить — тихо, не громко. Уже понял, что громкая просьба здесь редко помогает. Нужно только передать имя. Не увидеть мать, не выйти — просто имя. Женщина посмотрела на него и Катю, устало вздохнула и пообещала: если увидит Ивана сама, позовёт. Только молчать, не устраивать шум и не лезть к охране.

Теперь ожидание стало другим. Появился посредник. Женщина тоже знает. Значит, шанс выше. Но вместе с надеждой пришёл страх: а если Иван не найдёт? Если мать уже увезли? Если фамилию перепутают? Коля заставил себя остановить мысли. Только сообщение: мы живы. Не больше.

В середине дня дверь открылась. Женщина в сером сделала короткий жест: иди. У Коли ослабли ноги. Катя вскочила тоже, но её остановили — только он. Сестра вцепилась в

рукав. Коля присел и объяснил, что никуда не уходит, только к двери, она будет видеть. Лида взяла Катю за руку. Девочка медленно разжала пальцы. Коля почувствовал это как доверие.

За дверью было холодно. Он остался в проёме. В нескольких шагах стоял невысокий худой мужчина в шапке со светлой заплатой, левая кисть перевязана грязной тканью. На вид лет сорок, может меньше — в лагере люди выглядели старше. Лицо узкое, щетина, глаза очень усталые.

Женщина сказала ему что-то. Иван посмотрел на Колю внимательнее. Мальчик заранее подготовил слова, но теперь всё перемешалось. Он назвал имя матери, фамилию, деревню, сказал: их двое — Коля и Катя, живы, в детском бараке. Иван попросил повторить фамилию, затем имя матери. Шепелил губами, запоминая. Потом кивнул: попробует.

Не «найду», не «передам» — попробует. Иван уже хотел уйти, но Коля испугался, что сказал мало. Быстро добавил: скажите, что мы вместе. Катя рядом, не разлучили. И ещё: «Скажите, что я её не отпустил».

Мужчина посмотрел на него. Эта фраза была уже не только для матери. Коля должен был, чтобы она знала: он выполнил приказ, удержал сестру — хотя её саму не удержал. Иван кивнул и ушёл. Несколько секунд — и его уже не было видно. Огромное событие заняло меньше минуты.

Катя сразу спросила, что он сказал. Коля пересказал. Девочка улыбнулась по-настоящему, впервые после разлуки.

«Мама узнает» — не вопрос, факт. Коля не стал исправлять.

До вечера они ждали ответа, хотя Иван ничего не обещал. Каждый звук у двери заставлял Колю поворачивать голову. Он понимал, что слишком быстро, но всё равно ждал.

В ожидании вспоминалась мать. Не лицо — руки. Как она чистит картошку, застёгивает Катину кофту, держит мешок, поправляет шаль, гладит отцовскую фотографию. Руки всегда что-то делали. Коля понял: материнские руки он помнит лучше лица.

Последний раз он держал одну из них у ворот. Тёплая ладонь, сухая кожа, ногти. Потом чужие руки, рывок, пальцы разжимаются один за другим. Он часто возвращался к этому моменту и каждый раз думал: надо было держать сильнее. Хотя понимал — не помогло бы. Он был ребёнком против взрослых мужчин. Но память не признаёт справедливых объяснений. Она всё равно спрашивает: а если бы?

К вечеру он почувствовал боль в ладони. На коже остались старые царапины от материнских ногтей — одна возле большого пальца, две ближе к запястью. Почти зажили. Коля вдруг испугался, что скоро исчезнут, и не останется ничего. Начал запоминать их расположение.

Катя увидела, взяла его руку и осторожно провела пальцем по царапине. Сказала: «Это мама». Коля замер. Мамин след. Они некоторое время смотрели на ладонь как на фотографию.

Вечером он подумал: а что осталось у Кати? Мать держа-

ла её, укутывала, целовала, но физического следа нет. Кукла осталась на снегу, фотография отца у матери. Никакой вещи. Тогда Коля решил рассказывать — про дом, чтобы сестра не забыла.

Перед сном он начал вспоминать вслух: яблоню, сарай, отцовскую кружку, как Катя однажды вылила молоко кошке и сказала, что та попросила, как мать сначала сердилась, потом смеялась. Катя поправляла детали: не летом — осенью; не красная кофта — синяя. Это было хорошо. Значит, помнит.

Лида слушала, потом сама рассказала про свой дом: реку, старую грушу, кухонное окно, младшего брата Петьку. Другие дети тоже начали вспоминать: собаку, школьную сумку, лодку отца. На несколько минут барак перестал быть барак-ком. У каждого появился дом — не настоящий, из слов, но стены словно отступили. Дети тайно возвращали себе то, что у них отняли: доказательство, что до лагеря была жизнь.

Ночью Иван не пришёл. Утром тоже. Коля снова ждал у окна. Катя ждала вместе.

К полудню его позвали. Иван стоял снаружи, на этот раз без ящика. Выглядел ещё устатее. Спросил имя матери снова. Коля назвал. Мужчина кивнул: нашёл.

Одно слово. «Нашёл». Коля перестал слышать всё остальное. Будто исчезли барак, снег, люди. Мать жива.

Он схватился за дверной косяк, потому что ноги вдруг ослабли. Иван продолжал: мать в женской рабочей группе, пока здесь. Получила вестъ. Знает, что дети живы и что они

вместе. Когда слышала — плакала. Просила передать: «Не отдавай Катю. Береги её. Я жива. Я вас найду».

Слова вошли внутрь. Не отдавай Катю. То же самое. Мать всё ещё мать даже за проволокой. Даже когда не может обнять, она продолжает давать ему поручения.

Коля спросил, можно ли увидеть её. Иван отрицательно покачал головой: не сейчас, слишком опасно. Если заметят передачу сообщений, хуже будет всем — матери тоже. Эти два слова остановили спор. Значит, нужно терпеть.

Он спросил, далеко ли она. Иван посмотрел в сторону барачков и ответил: «Не очень». Это оказалось мучительнее всего. Мать где-то за двумя рядами проволоки, может, в нескольких сотнях шагов. Можно дойти за пять минут — и невозможно.

Коля хотел передать ответ. Что сказать? Что боится? Что Катя плачет? Что еды мало? Он выбрал главное: «Скажите, мы ждём». Потом добавил: «И я помню её руку». Иван не понял, Коля не объяснял. Мужчина просто кивнул и ушёл.

Катя ждала. По лицу брата всё поняла раньше слов. Коля сказал: «Мама жива». Девочка застыла на несколько секунд и спросила: «Где?» Он неопределённо показал — там, рядом. Катя сразу подошла к окну, будто можно увидеть. Не увидела, но долго стояла.

После этого день изменился, хотя вокруг ничего не стало лучше: тот же барак, та же еда, холод, охрана. Но мать теперь существовала не только как воспоминание. Она дышит, хо-

дит, работает, знает, ищет. Это было огромное богатство.

Вечером Коля снова посмотрел на царапины. Они почти исчезли, но теперь это не пугало. Появился другой след — слова: «Я жива. Я вас найду». Их нельзя увидеть, но они крепче царапин.

Перед сном Катя попросила повторить. Коля повторил несколько раз: мама жива, знает, что они вместе, ищет. Девочка слушала и улыбалась. Потом спросила: «А когда найдёт?» Коля уже научился не давать точных обещаний. «Когда сможет».

Ночью снова открывали дверь, называли фамилии, кого-то увели. Страх никуда не исчез. Надежда не уничтожает страх — она только даёт причину пережить ещё один день.

Когда всё стихло, Коля положил ладонь перед собой и провёл пальцем по месту, где были царапины. Теперь он знал: рука разжалась тогда не потому, что мать отпустила. Её заставили. Это совсем другое. И пока он держит Катю, пока помнит имя, пока мать знает, что они живы, их семья ещё существует — не в одном доме, не в одном бараке, не по одну сторону проволоки, но существует.

Глава 10. Детский барак

Первые дни Коля всё ещё считал. Первое утро, второе, третье. Потом перестал. Не потому, что забыл, а потому что дни слишком мало отличались друг от друга. Они начинались одинаково: с холода, чужого кашля, с того, как в по-

лутьме кто-то шарил рукой по нарам, проверяя, рядом ли брат, сестра, знакомый ребёнок. С ожидания двери, фамилии, еды.

Потом — переключка, снег, ветер, жидкая похлёбка, долгое сидение, шёпот, слухи, снова дверь, снова ночь. Сначала Коля думал, что обязательно запомнит каждый день, чтобы потом рассказать матери. Затем понял: дни сливаются. Он мог вспомнить лицо, кусок хлеба, чей-то плач, момент, когда Катя споткнулась, Лиду у окна — но какой это был день, уже не знал. Время в лагере перестало быть дорогой. Оно стало кругом.

Детский барак жил своей жизнью — не той, которую строили взрослые и записывали в бумагах. У каждой части помещения были негласные правила. У стены спали те, кто давно здесь. Ближе к двери — вновь прибывшие. На верхних нарах чаще лежали старшие мальчики. Маленьких старались держать внизу, чтобы ночью не упали. У одного окна собирались те, кто хотел видеть проход между бараками, у другого — те, кто ждал рабочие команды взрослых. Кто-то искал мать, кто-то отца, сестру. Кто-то уже никого не искал.

Лида постепенно стала почти частью их маленькой семьи. Она редко говорила о себе, помогала Кате с волосами, иногда уступала ей место ближе к стене. Однажды отдала половину воды, когда после кашля Катя попросила пить. Коля хотел вернуть долг, но Лида отказалась. Здесь помощь редко возвращали тому же человеку. Она переходила дальше:

кто сегодня получил хлеб, завтра придержит другого на перекличке; кто уступил место, потом получит глоток воды. Дети быстро поняли простую вещь: одному здесь тяжелее.

Старшего мальчика в шапке без одного уха звали Миша. Ему было тринадцать. Коля сначала думал, что он здесь давно. Оказалось — чуть больше месяца. Но месяц в лагере делал ребёнка старше не на месяц, а на годы. Миша знал, когда лучше не задавать вопросов, куда становиться за едой, где холоднее, как прятать хлеб, как по шагам отличить охранника от заключённого. Коля слушал его как ученика учителя.

Миша научил: никогда не оставлять хлеб на виду. Даже среди детей. Голод меняет человека. Сначала делает злым, потом слабым, потом стыдливым, а потом стыд тоже уходит. Коля не хотел верить. Думал, что сам никогда не украдёт у другого. Миша ничего не доказывал, лишь однажды сказал: все так думают в первые дни. Эта фраза долго не выходила из головы.

Катя становилась тише, и это тревожило сильнее плача. Раньше она говорила много, теперь могла долго сидеть у стены и смотреть в одну точку. Иногда шевелила губами. Коля сначала думал, что молится, потом понял — разговаривает с куклой, которой уже нет. Катя помнила её, воображала в руках. Ладонь иногда сама складывалась так, будто внутри маленькое тряпичное тело. Коля видел и не говорил — боялся разрушить.

Однажды Катя попросила рассказать, как кукла выгляде-

ла. Он удивился: она же знает. Но девочка хотела услышать. Коля описал синие глаза, почти стёртый красный рот, платок, платье. Катя поправляла детали. Они восстанавливали игрушку так подробно, будто лицо человека. Вместе с куклой оставалась часть прежней жизни, а значит, пока её помнят — дом тоже не совсем исчез.

Иногда приходили вести от матери. Не часто. Иван появлялся на несколько минут и передавал короткие слова: жива, работает, помнит, берегите себя, не отдавай Катю. Потом пропадал на несколько дней. Каждый раз Коля ждал и боялся, что это последнее сообщение. Кате передавал только хорошее. В детском бараке надежду тоже выдавали порциями — слишком много сразу было опасно.

Однажды мать передала полоску старого платка. Не письмо, просто ткань. Коля узнал край её шали. Долго держал в ладони, потом отдал Кате. Девочка прижала к лицу, пыталась почувствовать запах и сказала, что пахнет мамой. Возможно, запаха уже не было. Коля не спорил. Лида помогла зашить полоску внутрь Катиной одежды. Теперь мать была не только памятью — маленький кусочек ткани находился рядом с телом.

Коля заметил: дети быстро учатся различать состояние друг друга. Не нужно спрашивать, кто заболел. Слышно по дыханию, кашлю, по тому, как человек лежит, по глазам, по отказу от еды. Одним утром мальчик с соседних нар не встал. Его звали Саша, лет девять. Коля разговаривал с ним

всего два раза. Саша гордился, что дома умел ставить силки на зайцев и обещал показать, когда вернутся.

Сначала решили, что он спит. Лида коснулась лба — горячий. Позвали женщину в сером. Та посмотрела и сказала отнести. Двое старших мальчиков помогли. Саша открыл глаза, не понимал, где находится, пытался сопротивляться, но сил почти не было. Его вынесли. Никто не спросил куда. Все уже знали: если забирают больного, ответа всё равно не будет.

Через два дня Саша не вернулся. Миша сказал: может, в лазарете. По голосу было слышно, что сам не верит. Но никто не произнёс «умер». Пока не знаешь точно — ребёнок жив. Так решили дети. Это было их внутреннее правило.

Другой мальчик, Николай, вернулся. Ему было около двенадцати. Его увели ночью, отсутствовал почти сутки. Вернулся бледный, очень слабый, сразу лёг и ничего не рассказывал. Ночью его знобило, утром стало лучше, но в глазах появился особый страх — не общий, а направленный. Коля заметил: Николай особенно боится белых халатов. Когда возле барака прошёл человек в медицинской одежде, мальчик отвернулся, сжался и потом долго сидел у стены. Никто не спрашивал. Здесь дети быстро учились уважать чужой страх — потому что у каждого был свой.

Катя начала кашлять. Сначала редко, вечером, потом утром. Коля насторожился: проверял лоб, дыхание, старался не давать ей сидеть у окна, где тянуло, сам спал с краю,

отдавал часть хлеба. Катя отказывалась. Он не ругал, просто клал хлеб перед ней и ждал.

Однажды девочка спросила, почему он сам ест меньше. Коля сказал, что не хочется. Ложь была слишком очевидной. Катя отломилла часть и вернула. Он отказался, она настояла. Две детские руки держали один кусок хлеба, каждый пытался отдать другому. В другой жизни это могло бы казаться трогательным. Здесь было страшно, потому что речь шла не о доброте, а о силах: кому нужнее, кто слабее, кто дотянет до завтра. Наконец Коля разделил хлеб, Кате чуть больше. Она заметила, но съела.

По ночам барак звучал иначе. Днём шум, шаги, команды. Ночью каждый звук становился отдельным: кто-то скрипит зубами, кто-то плачет во сне, зовёт мать, шепчет молитву, кашляет, идёт к ведру. Иногда Коле казалось, что барак не спит никогда, просто дети на время закрывают глаза.

В одну ночь маленькая девочка проснулась от кошмара и начала кричать. Она вырывалась, звала маму, старшие пытались удержать, женщина в сером гладила и говорила тихо. Наконец силы закончились, девочка обмякла и заснула. Коля потом долго не мог закрыть глаза. Катя рядом тоже не спала.

Утром она спросила, почему мама той девочки не пришла на крик. Коля ответил: наверное, далеко. Катя подумала: «А наша слышала бы?» — «Услышала бы», — сказал он. Не физически, иначе. Мать всегда знает, когда ребёнку плохо. Он не хотел терять эту веру.

Детей иногда выводили на улицу не для переключки — просто стоять. Коля не понимал зачем. Снег падал, ноги немели, маленькие плакали, старшие поддерживали. Коля ставил Катю между собой и Лидой, разворачивался спиной к ветру. После возвращения долго не чувствовал пальцев.

Именно в один такой день он понял, что лагерь не временный. До этого внутри оставалась мысль: сейчас проверят, пересчитают, потом отпустят или переведут, мать придёт, они уйдут. Но утром привели новых детей — много, с теми же лицами, узлами, непониманием. Они задавали те же вопросы, которые Коля задавал несколько дней назад: где родители, куда ведут, когда отпустят, что это за место.

И старшие отвечали уже так, как когда-то отвечали им: не знаю, жди, не отходи, хлеб спрячь, номер не потеряй. Коля увидел себя со стороны. Он уже знает правила. Значит, успел прожить здесь достаточно, чтобы чему-то научиться. Эта мысль испугала.

Одна девочка из новых спросила, где выход. Обычный детский вопрос: где ворота? Коля показал. Она посмотрела и спросила, когда можно выйти. Он не смог ответить.

Лида сказала вечером: все первые дни смотрят на ворота. Потом перестают. Почему? Потому что они далеко — не расстоянием, смыслом. Коля всё равно продолжал смотреть. Ему было важно помнить, что снаружи существует мир. Если перестать, можно поверить, что лагерь — весь мир.

Он начал собирать не вещи, а сведения: когда проходит

рабочая команда женщин, когда Иван чаще появляется возле кухни, какой охранник жестокий, какой реже смотрит на детей, где ветер сильнее, где воды иногда дают больше, кто знает немецкие слова, у кого есть иглока, кто умеет чинить обувь. Эти знания становились богатством.

Миша однажды показал щель под доской, где можно спрятать хлеб. Коля воспользовался раз, потом испугался мышей и воров. Даже тайник здесь требовал расчёта.

Номер на одежде стал грязным. Коля чистил его не потому, что любил, а потому что боялся потерять. Ненавидел цифры, но зависел от них. Каждый вечер проверял свой, затем Катин. Только после этого ложился.

Мамин кусок ткани под Катиной одеждой тоже проверял. Это было важнее номера. Одно напоминало, кем их сделали. Другое — кем они были.

Однажды утром пустовало место на верхних нарах. Мальчика, которого увели ночью, не вернули. Его миска лежала внизу. Никто не трогал долго. Потом один малыш случайно взял, Миша остановил и вернул: до вечера нужно подождать, вдруг вернётся. Так делали всегда. До вечера место человека оставалось его. Если не вернулся — утром место займёт другой.

Коля смотрел на пустые нары и думал о доме. Если семья ушла — дом тоже ждёт? Сколько? День, неделю, до первого снега, пока не сгорит? Кто решает, когда место человека перестаёт быть его?

Мальчик не вернулся. На следующее утро туда положили вещи нового ребёнка. Без слов. Нары приняли другого. Лагерь не любил пустых мест.

И тогда Коля окончательно понял: они здесь не в ожидании скорого возвращения. Существует порядок, рассчитанный на то, что одни дети уходят, другие приходят. Кто-то исчезает, на его место кладут другого. Значит, это не случайность и не временная беда. Это жизнь, построенная специально.

Ночью он лежал и думал: Катя рядом, Лида выше, Миша у прохода, за стеной ветер, за проволокой мать, дальше ворота, ещё дальше мир. Он попытался представить расстояние: несколько сотен метров до матери, несколько десятков до выхода, сотни километров до дома. Но настоящие расстояния здесь измерялись не шагами. До матери — одно разрешение. До выхода — чужая воля. До дома — война.

Катя во сне снова взяла его за рукав. Коля смотрел в темноту и понял ещё одну вещь. Детский барак — это не место, где живут дети. Это место, где дети слишком быстро перестают быть детьми. Не сразу, а по чуть-чуть: когда впервые прячешь хлеб; когда узнаёшь опасность по шагам; когда перестаёшь спрашивать «почему»; когда сам проверяешь лоб сестры; когда чужая смерть уже не вызывает крика; когда пустые нары утром кажутся привычными.

Коля закрыл глаза. Он не хотел привыкать ни к номерам, ни к пустым местам, ни к тому, что мать за проволокой, ни

к исчезающим детям. Поэтому перед сном снова назвал про себя всё, что связывало его с прежней жизнью: мама, отец, Катя, деревня, дом, печь, яблоня, отцовская кружка, кукла, снег за окном. Потом добавил: Иван, Лида, Миша.

Теперь в памяти появлялись и те, кого он встретил здесь. Это испугало: лагерь уже входил в жизнь не как короткий кошмар, а как часть памяти. И Коля понял: если им суждено однажды выйти за ворота, он всё равно унесёт барак с собой — не стены, не нары, не номер, а голоса, кашель, пустые места, детские руки, которые ночью ищут рядом другого человека, и чувство, что каждое утро начинается с одного вопроса: все ли ещё здесь?

Часть III

Дети Саласпилса

Глава 11. Хлеб

Голод сначала был ощущением. Пустотой под рёбрами. Тянущей болью. Слабостью. Потом стал мыслью. А ещё через несколько дней — почти языком, на котором говорило тело. Коля просыпался и первым делом думал не о матери, не о доме, не о том, что произошло ночью. О хлебе. Эта мысль появлялась раньше остальных. Не потому, что мать стала менее важна. Не потому, что Катя перестала быть главным человеком рядом. Просто тело требовало своего. Жёстко. Без

стыда. Без памяти. Оно не знало ни войны, ни лагеря, ни разлуки. Оно знало одно: есть.

Утро в бараке начиналось одинаково. Холод. Кашель. Запах сырой одежды. Потом переключка. Потом ожидание еды. Коля уже умел по времени примерно угадывать, когда принесут котёл. Не по часам. По движению взрослых. По шуму снаружи. По тому, как старшие дети начинали садиться ближе к проходу. По запаху. Иногда жидкая похлёбка начинала пахнуть раньше, чем появлялась в дверях. Тогда весь барак становился другим. Дети переставали разговаривать. Кто лежал — садился. Кто дремал — открывал глаза. Даже больные поднимали головы. Запах еды был слабым. В другой жизни Коля, возможно, даже не назвал бы это запахом.

Теперь он чувствовал его за несколько минут. Вода. Какая-то крупа. Иногда капуста. Иногда что-то ещё, чему он не мог дать названия. Главным было не что. Главным было — еда. Когда ведро или котёл появлялся в дверях, начиналась очередь. Формально дети должны были подходить спокойно. С мисками. По одному. Так говорили. Но голод не любит порядка. Он заставляет человека смотреть не на собственную порцию. На чужую. Коля заметил это не сразу. Потом начал видеть везде. Вот мальчик перед ним получил чуть гуще. На дне его миски лежит кусочек картофеля. Маленький. Но настоящий. Коля смотрит. Не хочет. Сам себе запрещает.

Но глаза всё равно возвращаются. Почему ему? Почему не мне? Потом стыд. Сразу. Почти одновременно. Не за по-

ступок. Даже не за желание. За мысль. Катя стояла рядом. Он всегда ставил её впереди. Так спокойнее. Она получала порцию первой. Коля видел, сколько налили. Сравнивал. Не намеренно. Само. Если мало — внутри поднималась злость. Если чуть больше — облегчение. Он уже умел определять объём почти на глаз. Миска наполовину. Чуть меньше. Чуть больше. Ложка гуще. Жиже. Хлеб тоньше. Толще. Голод учил арифметике без цифр.

Хлеб выдавали отдельно. Небольшой кусок. Всегда слишком маленький. Первое время Коля ел сразу. Потом Миша объяснил: нельзя. Нужно сохранить. Хотя бы часть. Потому что день длинный. Потому что вечером станет хуже. Потому что если съесть утром всё, после обеда начнёшь думать только о еде. Коля сначала не поверил. Ему казалось, что хуже уже не бывает. Бывает. Миша оказался прав. Теперь Коля делил хлеб. Сначала пополам. Потом одну половину ещё раз. Небольшой кусок ел сразу. Остальное прятал. Для Кати. Для вечера. На случай, если не дадут. На случай, если сестра заболит. На случай. В лагере всё делалось на случай.

Случай был опаснее расписания. У Кати появилась привычка нюхать хлеб перед тем, как есть. Подносила к лицу. Закрывала глаза. Долго вдыхала. Коля однажды спросил зачем. Она сказала, что так кажется больше. Он не понял сначала. Потом понял. Запах можно растянуть. Хлеб — нет. Однажды утром ей достался кусок с плотной корочкой. Катя улыбнулась. По-настоящему. Провела пальцем. Коля увидел

эту улыбку. И в тот момент почувствовал что-то похожее на счастье. Не от хлеба. От того, что сестра ещё может радоваться корочке.

Но лагерь быстро учил и другому. На соседних нарах появился мальчик. Нового привезли накануне вечером. Лет восемь. Звали Андрей. Очень худой. Глаза большие. Лицо узкое. Он почти не разговаривал. Утром получил хлеб. Держал в руке долго. Не ел. Смотрел. Потом спрятал под одежду. Коля заметил. Не придал значения. Позже мальчик заснул. И хлеб исчез. Когда Андрей проснулся, сначала просто начал искать. Под одеждой. На нарах. В соломе. Потом всё быстрее. Руки дрожали. Он перевернул тряпку. Проверил под доской. Хлеба нет. Сначала никто не говорил. Коля наблюдал. Потом Андрей понял. Украли.

Он заплакал. Не как ребёнок, потерявший вещь. Иначе. Глубже. Почти без слёз. Как человек, у которого забрали последнее. Мальчик смотрел на остальных. Пытался понять кто. Никто не отвечал. Коля почувствовал страх. Не из-за кражи. Из-за того, что вдруг сам начал думать: а где хлеб? Кто взял? Съел? Может, ещё есть? Если найти? Он поймал себя. Стыд ударил сильнее, чем раньше. Чужой хлеб. Украденный. А тело всё равно думает о нём как о еде.

Миша сидел рядом. Смотрел. Потом тихо сказал Андрею, что нужно было прятать лучше. Не жестоко. Не обвиняя. Просто факт. Андрей посмотрел на него так, будто ожидал другого ответа. Кто украл? Как вернуть? Почему никто

не поможет? Но в лагере справедливость редко существовала отдельно от голода. Коля хотел вмешаться. Сказать, что нельзя воровать. Что это плохо. Слова уже были готовы. Потом увидел лица. Дети. Такие же голодные. Кто-то украл. Да. Но кто? Может, самый маленький? Может, тот, кто два дня почти не ел? Может, больной? Судить оказалось сложнее, чем дома. Дома всё было понятно. Чужое брать нельзя.

Точка. Здесь после этой точки появлялось ещё одно: а если иначе не доживёшь до завтра? Коля ненавидел этот вопрос. В тот же день он перепрятал свой хлеб. Не потому, что перестал доверять Лиде. Или Мише. Потому что понял: голод сильнее доверия. Иногда. Не всегда. Но достаточно одного раза. Катя заметила. Спросила, зачем. Он ответил уклончиво. Чтобы не потерять. Она посмотрела. Наверное, вспомнила Андрея. Больше не спрашивала.

Вечером пришла похлёбка. Андрей ел медленно. Наверное, пытался растянуть. Хлеба у него уже не было. Коля видел. У него самого оставался кусок. Небольшой. Для Кати. И ещё совсем маленький — себе. Он почувствовал взгляд. Андрей не смотрел прямо. Но взгляд голодного ребёнка чувствуется. Он скользит к руке. К хлебу. Сразу отводится. Потом снова. Коля отвернулся. Внутри начался спор. Не настоящий. Без слов. Этот кусок мой. Я сам голодный. Катя может проснуться ночью. Ей нужен. Я уже отдаю ей больше. Если начну делиться со всеми — ничего не останется. Правильно. Разумно. Всё правильно.

Андрей сидел рядом. Очень тихо. Ложка давно пустая. Он всё равно проводил ею по дну. Собирал то, чего уже нет. Этот звук раздражал. Металл по миске. Снова. Снова. Коля не выдержал. Достал хлеб. Посмотрел. Кусок. Маленький. Потом на Катю. Она уже съела свою часть. Сидела рядом. Смотрела тоже. Коля отломил. Не половину. Меньше. Сначала хотел именно меньше. Потом увидел размер. Стыдно. Отломил ещё. Получилось почти пополам. Одну часть оставил. Другую протянул Андрею.

Мальчик не взял. Сначала. Просто смотрел. Потом спросил глазами. Это мне? Коля кивнул. Андрей взял. Очень быстро. Сразу спрятал в ладони. Будто могут передумать. Он не сказал спасибо. Не потому, что невоспитанный. Слова стали лишними. Сразу откусил. Медленно. Коля смотрел. И чувствовал одновременно две вещи. Радость. И сожаление. Честное. Очень неприятное. Он рад, что дал. И жалеет хлеб. Обе эмоции жили вместе. От этого было особенно тяжело.

Катя молчала. Потом пододвинулась. Положила голову ему на плечо. Это было её спасибо. Не за неё. За то, что он всё ещё сделал то, чему учила мать. Ночью голод усилился. Коля лежал. Живот болел. Сначала пытался не думать. Не получилось. Представлял картошку. Домашнюю. Горячую. С солью. Потом хлеб. Настоящий каравай. Толстая корка. Мать режет. Нож входит. Крошки падают на стол. Раньше их смахивали. Теперь Коля мысленно собирал каждую.

Он вспомнил, как однажды дома бросил корку собаке. Не

хотел доедать. Мать сказала не разбрасываться хлебом. Он тогда обиделся. Теперь воспоминание мучило. Корка. Большая. Толстая. Он почти чувствовал её вкус. Зачем бросил? Собаке было можно дать что-то другое. Почему не съел? Зачем вообще когда-то оставлял еду? Разум понимал: это было тогда. Другой мир. Но голод не прощал прошлое. Он находил каждую выброшенную крошку. Каждую недоеденную картофелину. Каждый раз, когда ребёнок говорил «не хочу». И превращал в вину.

Катя рядом не спала. Коля понял. Спросил шёпотом. Она тоже думает о хлебе? Да. Пауза. Потом Катя сказала, что помнит, как мама пекла. Коля тоже. Запах. Изба. Печь. Тесто. Мука на руках. Катя рассказывала, как мать иногда давала маленький кусок сырого теста. Она лепила фигурку. Потом съедала. Коля вспомнил. И стало одновременно тепло и невыносимо. Они лежали в темноте и рассказывали друг другу о еде. Не чтобы мучить. Наоборот. Воспоминания давали ощущение сытости хотя бы голове. Картошка. Каша. Молоко. Яблоки. Грибы. Летом огурцы. Катя вспомнила мёд. Коля засмеялся тихо. Откуда у них был мёд? Сосед приносил.

Точно. Лида сверху слышала. Добавила своё. Блины. Мама жарила. Миша из другого конца прошептал: сало. Несколько детей засмеялись. Очень тихо. Потому что одно слово «сало» здесь звучало почти фантастически. Потом другие начали вспоминать. Кто что ел дома. Не блюда.

Жизнь. У каждого еда была связана с человеком. Мамины пироги. Бабушкина каша. Отец приносил рыбу. Сестра воровала варенье. Так голод неожиданно возвращал семью. Через вкус. Через запах. Через память.

На следующий день случилось хуже. Во время раздачи один ребёнок уронил хлеб. Кусок упал на пол. Прямо в грязь. На него сразу наступили. Не специально. Толпа. Мальчик закричал. Полез вниз. Начал искать. Его толкали. Он не обращал внимания. Нашёл. Хлеб был грязный. Мокрый. На корке след чужого сапога. Мальчик поднял. Вытер рукавом. Съел. Коля смотрел. Ему не стало противно. Вот что испугало. Раньше стало бы. Сейчас он подумал только: хорошо, что нашёл.

После этого Коля понял, что голод меняет не только решения. Он меняет границы. То, что вчера невозможно, завтра становится обычным. Грязный хлеб. Чужая ложка. Крошка с пола. Еда после другого. Всё, что работает против пустоты внутри. Вечером он увидел, как один мальчик собирает крошки возле места раздачи. Не свои. Просто те, что упали. Коля сначала прошёл. Потом вернулся. Помог. Две крошки. Три. Совсем маленькие. Они разделили. Не обсуждая.

С каждым днём дети говорили о хлебе всё больше. Не прямо. Слово могло не звучать. Но всё вокруг крутилось рядом. Сколько осталось. Кто получил. Кто не получил. Кто заболел и не доел. Можно ли взять его порцию? Ждать ли, пока он откажется? Что делать, если человек умер, а хлеб лежит ря-

дом? Это были вопросы, которые дети не должны были решать. Но решали. Однажды утром умер маленький мальчик. Ночью. Тихо. Рядом лежал кусок хлеба. Наверное, сохранил на утро. Когда обнаружили, никто не трогал. Очень долго. Хлеб лежал возле его руки. Все видели. Никто не брал.

Коля не мог отвести взгляд. Внутри происходило страшное. Мальчик умер. Это горе. Нужно думать о нём. Но рядом хлеб. Настоящий. Коля ненавидел себя. Потому что видел не только умершего. Видел хлеб. Другие тоже. Он понял по лицам. Дети молчали. Барак будто ждал. Кто первым? Никто. Пришла женщина в сером. Посмотрела на мальчика. Позвала взрослых. Пока его уносили, хлеб остался. После того как тело вынесли, кусок лежал на нарах. Один.

Миша подошёл. Взял. Коля напрягся. Но Миша не съел. Разломил на несколько частей. Отдал самым маленьким. Молча. Никто не возразил. Это стало похоже на правило. Хлеб не должен пропасть. Даже если человек умер. Особенно если умер. Катя получила маленькую часть. Держала. Не ела. Коля спросил почему. Она тихо сказала: это же его. Коля не знал, что ответить. Потом сказал: он бы, наверное, отдал. Откуда он мог знать? Ниоткуда. Но иначе ребёнок не смог бы съесть.

Катя съела. Потом долго молчала. В тот день Коля понял ещё одну вещь. Голод не обязательно делает человека плохим. Иногда. Но не всегда. Он делает выбор труднее. Вот что страшно. Добрым быть легко, когда у тебя есть лишнее.

Здесь лишнего не было. Если делишься — отдаёшь часть собственной силы. Если сохраняешь — кто-то рядом может остаться голодным. И любой выбор оставляет след. Вечером Андрей подошёл. Тот мальчик, которому Коля отдал хлеб. Протянул что-то. Кусочек. Очень маленький. Свою сегодняшнюю порцию. Коля сначала не понял. Андрей объяснил, что теперь его очередь. Коля отказался. Мальчик настаивал.

Они стояли друг напротив друга. Два голодных ребёнка. Один пытается вернуть хлеб. Другой не брать. Это было почти смешно. Если бы не было так серьёзно. В конце концов Коля отломил совсем маленький кусок. Взял. Остальное вернул. Андрей согласился. Так возникло новое правило. Не лагерное. Их. Если можешь — отдай. Но не всё. Чтобы завтра тоже мог помочь. Позже Коля думал об этом. Может быть, взрослые назвали бы это справедливостью. Он не знал. Для него это было проще. Если все съедят всё сами, каждый останется один. А если иногда отломить кусок — появляется связь. Тонкая. Как нитка. Но голод не может её полностью перегрызть.

Перед сном он проверил спрятанный кусок. На месте. Потом Катин. На месте. Проверил ткань от матери. На месте. Номер. На месте. Сестра. Рядом. Он выдохнул. Катя уже почти спала. Вдруг спросила:

— Когда мы домой вернёмся, ты будешь есть корки?
Коля улыбнулся в темноте. Сказал:

— Все.

Она подумала. Потом добавила:

— И я.

Некоторое время молчали. Потом Катя сказала, что больше никогда не бросит хлеб. Коля хотел ответить. Не смог сразу. В груди что-то сжалось. Потому что семилетний ребёнок уже давал обещания хлебу. Не игрушке. Не маме. Не школе. Хлебу. Он накрыл сестру. Лёг рядом. Живот всё ещё болел. Но теперь эта боль была знакомой. Почти обычной. Вот это пугало сильнее. За стеной ветер бросал снег о доски. Где-то в бараке ребёнок тихо жевал сохранённую корку. Кто-то просил глоток воды. Кто-то во сне говорил о доме. Коля закрыл глаза. Перед ним снова появился стол. Мать. Нож. Буханка. Крошки. Он мысленно собрал их одну за другой. Все. До последней. И только потом уснул.

Глава 12. Старшие

Коля долго не мог понять, кто в бараке считается старшим. Не по возрасту. Возраст здесь быстро переставал иметь обычный смысл. Дома тринадцатилетний мальчишка был просто мальчишкой. Его могли послать за водой, заставить чистить картошку, отругать за драку, отправить спать раньше взрослых. Здесь тринадцатилетний уже отвечал за тех, кому пять. Иногда — за тех, кому три. Он знал, где раздобыть воду. Как спрятать хлеб. Как не попасть под руку охраны. Как понять по звуку двери, кто вошёл. Как укрыть ребён-

ка так, чтобы тот не мёрз. Как заставить маленького проглотить несколько ложек похлёбки, когда тот уже отказывается.

Как объяснить, что мама не придёт сегодня, не разрушив при этом последнюю надежду. Старшими становились не потому, что им исполнялось больше лет. Потому что рядом оказывался кто-то слабее. Миша был одним из таких. Тринадцать лет. Худой. Плечи узкие. Шапка с оборванным ухом. Если бы Коля встретил его дома, наверное, не обратил бы особого внимания. Обычный деревенский мальчик. Здесь Миша знал слишком много. И именно поэтому остальные к нему прислушивались. Он редко говорил громко. Не командовал. Не пытался показать, что главный. Просто, когда возникала беда, первым понимал, что делать.

Однажды утром в бараке не оказалось воды. Обычно приносили несколько вёдер. Мало. Но приносили. В тот день никто не пришёл. Сначала дети ждали. Потом стали спрашивать. Потом ждать снова. Маленькие начали жаловаться. Кто-то облизывал сухие губы. Кто-то пытался собрать снег с одежды, принесённой с улицы. Коля тоже почувствовал жажду. Она отличалась от голода. Голод можно терпеть. От него слабеешь, но он приходит волнами. Жажда сушит всё сразу. Язык. Горло. Губы. Мысли. Катя несколько раз попросила пить. Коля отвечал, что скоро дадут. Сам не знал.

Миша не ждал. Он подошёл к окну. Посмотрел наружу. Потом позвал двух старших мальчиков. Что-то объяснил. Коля слышал только часть. Снег. За стеной. Когда дверь от-

кроют. Быстро. На улицу их всё равно должны были вывести. Когда пришла команда, Миша встал ближе к краю. Во время построения незаметно нагнулся. Поднял чистый снег у стены. Не тот, который был истоптан. С белого участка. Спрятал за пазуху в тряпке. Другие сделали то же. Коля понял. После возвращения снег растаял в мисках. Воды получилось мало. Но она была. Её разделили между самыми маленькими. Не между теми, кто принёс.

Коля смотрел. Миша сам не пил. Даже когда оставалось немного. Отдал ребёнку, который плакал. Коля спросил почему. Миша ответил просто:

— Он меньше.

Никакой добродетели. Никаких рассуждений. Меньше — значит, ему нужнее. Вот и всё. В бараке существовало множество таких правил. Никто их не записывал. Никто не объявлял. Они появлялись сами. Маленького нельзя оставлять одного у двери. Если ребёнок заболел — его место у стены. Хлеб умершего не берут сразу. Сначала ждут. Если человек не вернулся до следующего утра — вещи распределяют. Не из жадности. Из необходимости. Одежда должна греть живого. Миска должна использоваться. Шнурок может держать чужой ботинок. Даже пуговица имеет цену.

Коля сначала сопротивлялся этому внутри. Ему казалось неправильным трогать вещи исчезнувшего человека. Как будто таким образом его уже признают мёртвым. Потом понял. Пустые вещи здесь не были памятью. Память находи-

лась в людях. Вещи должны были работать. Однажды мальчика по имени Витя увели ночью. Он не вернулся. На второй день Миша взял его старую кофту. Коля смотрел. Неприятно. Потом Миша надел её на маленького Пашку, который мёрз даже днём. Рукава оказались длинными. Миша подвернул. Пашка прижал руки к груди. Впервые за несколько дней перестал дрожать. Коля больше ничего не сказал.

Старшие знали, кому можно доверять. Не взрослым вообще. Конкретным людям. Женщина в сером была безопаснее некоторых других. Иван — если появлялся. Один из работников кухни иногда позволял детям подобрать упавшую картофельную очистку. Другой, наоборот, мог ударить. Один охранник кричал, но редко трогал. Другой говорил мало — и именно его боялись больше. Коля учился этим различиям. Миша объяснял: смотри не на форму. На руки. На глаза. На то, как человек подходит. На расстояние. На голос.

Коля сначала не понимал. Потом начал видеть. Один человек идёт быстро — торопится. Другой медленно — ищет повод. Один кричит на всех одинаково. Другой выбирает. Именно второй опаснее. Дома старшие учили другим вещам. Как держать косу. Как запрячь лошадь. Как не порезать палец ножом. Как растопить печь. Здесь обучение было другим. Не смотреть слишком долго. Не отвечать первым. Не спорить. Но если забирают младшего — не отпускать сразу. Если ударили — не падать, если можешь. Если упал — прикрыть голову. Если дали хлеб — сначала спрятать. Если у

тебя есть вода — не показывать всем. Но если рядом ребёнок с жаром — дать.

Коля слушал. И иногда пугался. Потому что всё это становилось понятным. Миша однажды спросил:

— Ты до лагеря драться умел?

Коля пожал плечами. С мальчишками. Обычные драки. Из-за санок. Из-за мяча. Из-за обидных слов. Миша усмехнулся. Сказал, что здесь драка совсем другая. Лучше не начинать. Потому что силы нужны не для победы. Для завтра. Эта мысль Коле запомнилась. Однажды в бараке всё-таки подрались. Из-за хлеба. Два мальчика. Один обвинял другого в краже. Сначала толкались. Потом удар. Другой ответил. Через секунду уже катались на полу. Не как дома. Без злости. Почти молча. Отчаянно. Коля видел лица. Они были не сердитые. Голодные.

Миша вмешался. Не сразу. Подождал, пока один не оказался сверху. Потом вместе с другим старшим растащил. Хлеба не нашли. Никто не признался. Миша ничего не стал выяснять. Только сказал: если будете тратить силы на это, оба сдохнете. Слово прозвучало грубо. Коля вздрогнул. Но мальчишки поняли. Разошлись. Позже Коля спросил, почему Миша не наказал вора. Тот посмотрел странно.

— А ты знаешь, кто?

Нет.

— Тогда кого наказывать?

Коля промолчал. Дома взрослые всегда знали, что пра-

вильно. Здесь даже справедливость требовала доказательства. Лида относилась к старшим иначе. Ей самой было девять лет. Но для малышей уже тоже старшая. Особенно для девочек. Она умела заплетать волосы. Чинила одежду. Знала, как завязать рукав вместо варежки. Как укутать ноги тряпкой. Как успокоить ребёнка без матери. Иногда это было важнее, чем хлеб. Одна маленькая девочка, Нина, ночью начала мочиться в постель. Первый раз она проснулась и заплакала. Боялась, что будут ругать. Лида ничего не сказала. Сняла мокрую тряпку. Перевернула. Нину пересадила на сухое место.

Утром помогла спрятать мокрую одежду. Никому не рассказала. Коля видел. Дома это показалось бы мелочью. Здесь — милосердием. Потому что унижение могло ранить не меньше холода. Старшие старались защищать младших ещё и от информации. Не всегда. Но часто. Если кто-то услышал, что умер взрослый родственник ребёнка, не говорили сразу. Ждали. Думали. Иногда сообщала женщина в сером. Иногда никто. Коля сначала считал это неправильным. Правда есть правда. Потом увидел, как шестилетнему мальчику сказали, что его мать погибла. Он перестал есть. На второй день почти не разговаривал. На третий лежал лицом к стене.

Тогда Коля понял: правда тоже имеет вес. Не каждому ребёнку её можно положить на плечи сразу. Катя всё чаще ходила за Лидой. Не потому, что перестала держаться за брата. Просто девочке нужна была девочка. Коля заметил. Снача-

ла почувствовал ревность. Почти смешную. Потом понял. С Лидой Катя могла говорить о волосах. О кукле. О платье. О маме. С ним тоже. Но по-другому. Коля был защитой. Лида — частью утраченного женского мира.

Однажды Катя заболела животом. Не сильно. Но согнулась. Коля сразу испугался. Лида посмотрела. Дала тёплой воды. Усадила. Положила ладонь. Сказала, что, может, от еды. Коля спросил, откуда знает. Лида пожала плечами. Дома был младший брат. Вот и всё. Каждый старший здесь нёс с собой кусок прежней семьи. То, чему научила мать. Отец. Бабушка. Старшая сестра. Теперь эти знания переходили к чужим детям. Так семья одного ребёнка продолжала жить в другом.

Миша умел чинить обувь. Не как сапожник. Но мог привязать подошву. Продеть верёвку. Подложить картон. Однажды у Коли начал расходиться валенок. Миша помог. Использовал кусок ткани и проволоку. Коля спросил, кто научил. Отец. Коля замолчал. Они редко говорили об отцах. Тема была тяжёлая. Через некоторое время Миша сам рассказал. Отец был плотником. Делал двери. Столы. Лодки. Миша помогал. Потом пришли немцы. Отец ушёл. Куда — не знает. Мать погибла при облаве. Младшую сестру привезли вместе с ним. Коля сразу спросил, где она. Миша посмотрел в сторону. Не здесь. Дальше говорить не стал.

Коля понял. У каждого старшего было своё место, куда лучше не заходить. Больше всего поражало другое. Старшие

тоже иногда ломались. Днём Миша мог разнимать драку. Объяснять. Поддерживать. Ночью Коля однажды услышал, как он плачет. Очень тихо. Под одеялом. Без звука почти. Только дыхание. Коля лежал. Не шевелился. Не хотел, чтобы Миша понял. Утром тот снова был обычный. Собранный. Спокойный. Только глаза красные. Никто не спрашивал.

Это стало важным уроком. Сильный — не тот, кто не плачет. Сильный может плакать ночью. А утром всё равно помочь другому встать. В бараке появился новый мальчик. Лет пять. Без родных. Привезли с группой. Он вообще не знал, где находится. Сначала спрашивал маму. Потом просто ходил за любым старшим. Если кто-то вставал — он вставал. Если садился — садился рядом. Так маленькие дети искали взрослого. Не конкретного. Любого, кто выглядит так, будто знает, что делать.

Мальчика звали Юра. Первую ночь он лёг между двумя детьми, которых не знал. Утром проснулся и долго смотрел. Потом выбрал Мишу. Не спрашивая. Просто начал ходить за ним. Миша сначала раздражался. Потом перестал. Через день уже следил, поел ли Юра. Через два — укрывал ночью. Через три — ругал за то, что тот вышел босиком. Коля наблюдал. Миша становился ему кем-то вроде брата. Не по крови. По необходимости. Однажды Юра спросил его, где мама. Миша долго молчал. Потом сказал: найдём. Коля услышал. Знал, что это может быть неправда. Миша тоже. Но ребёнок успокоился. Иногда старшие были вынуждены

лгать.

Не для себя. Для тех, кто пока не мог жить без надежды. Коля начал понимать мать. Раньше она тоже говорила: отец вернётся. Война закончится. Всё будет хорошо. Может, сама не верила. Но говорила. Ребёнку нужна не вся правда. Ему нужна точка, до которой можно дожить. В тот день вечером дети долго сидели возле нар. Никого не уводили. Это уже казалось хорошим вечером. Миша чинит чей-то ботинок. Лида распутывает Катины волосы. Юра сидит рядом и дремлет. Андрей делит хлеб. Коля смотрел. И на секунду ему показалось, что это почти дом. Не настоящий. Очень бедный. Без родителей. Без тепла. Но система отношений была похожа.

Кто-то старший. Кто-то младший. Кто-то делится. Кто-то ругает. Кто-то укрывает. Эта мысль испугала. Неужели к бараку можно привыкнуть настолько? Он сразу отвернулся. Посмотрел на дверь. На номер. На стену. Нет. Это не дом. Нельзя путать. Но потом понял: дело не в стенах. Дом делают люди. И если дети здесь пытаются делать друг другу то, что дома делали взрослые, это не значит, что лагерь стал домом. Это значит, что лагерь пока не смог отнять у них самую способность быть людьми.

На следующий день случилось то, что проверило это сильнее. Во время переключки маленький Юра потерял сознание. Просто упал. Без крика. Колени подогнулись. Миша был рядом. Сразу поднял. Охранник потребовал поставить ребёнка обратно. Юра не стоял. Миша держал под мышки. Коля

видел, как напряглось его лицо. Охранник снова приказал. Миша пытался объяснить. Ребёнок болен. Не может. Подошёл другой человек. Посмотрел. Сделал жест оставить. Юру отнесли в барак. Миша пошёл следом. Ему приказали вернуться в строй. Он остановился. Секунда. Коля увидел борьбу. Уйти к ребёнку. Или подчиниться. Миша вернулся.

Потому что иначе могли забрать обоих. Весь остаток переклички он смотрел на дверь барака. Не на охрану. Не на список. Туда. Коля видел. Понимал. Юра пришёл в себя. К счастью. Когда дети вернулись, он уже сидел. Лида держала кружку. Миша подошёл. Ничего не сказал. Просто ударил мальчика ладонью по затылку. Легко. Почти ласково. Юра улыбнулся. Коля тоже улыбнулся. Странно. После всего. Но улыбнулся. Вечером Миша собрал нескольких старших. Коля оказался среди них. Сам не понял, когда его начали считать старшим. Наверное, потому что он следил за Катей. Потому что не отпускал. Потому что умел уже многое.

Миша сказал, что если кто-то из маленьких падает на перекличке, нужно сразу подхватывать. До того как заметят. Держать с двух сторон. Пусть кажется, что стоит. Так делают. Потому что больного могут увести. А куда — никто не знает. Коля слушал. Новое правило. Ещё одно. Он посмотрел на Катю. Представил, что однажды она не сможет стоять. Сразу решил: будет держать. Слева. Кто-то справа. Не отдадут. Ночью он долго думал о слове «старший». Дома старший — тот, кому разрешают позже ложиться. Кому дают больше ра-

боты. Кого ругают за младших. Здесь всё это осталось. Только стало страшнее. Если младший потерялся — искать тебе.

Если заболел — следить тебе. Если плачет — успокаивать. Если уведут — жить потом с мыслью, что не удержал. Коля вспомнил мать. Она сказала: не отдавай Катю. Теперь он понял смысл глубже. Не только физически держать. Кормить. Укрывать. Учить. Успокаивать. Лгать, если правда слишком тяжёлая. Говорить правду, когда ложь опаснее. И каждый день выбирать. Катя спала. Ладонь возле его руки. Сегодня не держала за рукав. Наверное, почувствовала себя чуть безопаснее. Коля смотрел. Он не знал, хорошо это или плохо.

В другом конце барака Миша укрывал Юру. Лида ещё кому-то поправляла одежду. Двое старших мальчиков делили воду между малышами. Коля вдруг ясно увидел: они все дети. Даже старшие. Просто война назначила их взрослыми раньше времени. Без спроса. Без разрешения. Без права отказать. Он повернулся к стене. Закрыл глаза. И подумал: если когда-нибудь они выйдут отсюда, кто вернёт им те годы, которые они прожили не детьми? Ответа не было. Наверное, никто.

За стеной снова пошёл снег. Тихий. Медленный. Такой же, как в первый день дома. Коля слушал, как он шуршит по крыше. Рядом кто-то кашлял. Кто-то дышал. Кто-то во сне звал мать. А между ними лежали старшие дети. Не взрослые. Не солдаты. Не воспитатели. Просто мальчики и девочки, которым пришлось стать стеной между младшими и тем

миром, который оказался сильнее всех них. И пока эта стена держалась, детский барак ещё оставался не только местом страха, но и местом, где один ребёнок всё ещё мог закрыть собой другого.

Глава 13. Девочка без куклы

Катя всё чаще держала руки так, будто в них что-то было. Сначала Коля не замечал. Потом начал. Она сидела на нижних нарах, прислонившись плечом к стене, и ладони лежали на коленях особым образом — одна снизу, другая сверху, чуть согнутая. Между ними оставалось пустое место. Ровно такое, куда могла бы поместиться кукла. Иногда Катя медленно покачивала руками. Совсем чуть-чуть. Как раньше дома, когда убаюкивала свою тряпичную девочку. Коля видел. Молчал. Ему было страшно нарушить это движение. В лагере многое держалось на том, что нельзя было потрогать руками. Воспоминание. Надежда. Запах дома. Голос матери.

Теперь ещё и кукла, которой не было. О ней Катя почти не говорила. Это удивляло. До лагеря она могла полдня рассказывать, что у куклы заболела нога, что её нужно лечить, что она не хочет спать одна или что сегодня у неё праздник. Теперь игрушка исчезла. И вместе с ней исчезли рассказы. Коля думал: может, забыла. Потом понял — наоборот. Помнит слишком хорошо. Однажды вечером Катя спросила: — Как ты думаешь, она замёрзла? Коля сначала не понял.

— Кто?

Катя посмотрела так, будто вопрос был странным.

— Кукла.

Он замолчал. Перед глазами сразу возник снег у ворот. Толкотня. Руки. Мать. Крик. Тряпичная фигурка, лежащая на белом. Синие глаза. Стёртый красный рот. Он слишком хорошо помнил. Катя продолжала ждать. Коля сказал первое, что пришло:

— Нет.

— Почему?

Он не знал. Пришлось придумывать. Сказал, что у неё был платок. И платье тёплое. Катя подумала.

— Но снег же.

Коля добавил, что, наверное, кто-то поднял. Может, другой ребёнок. Может, девочка. И теперь кукла у неё. Катя сразу оживилась.

— Она не одна?

— Не одна.

Это было важно. Не замёрзла. Не лежит на снегу. Кто-то взял. Кто-то держит. Не одна. После этого Катя стала говорить о кукле чаще. Не много. По несколько слов. Во что была одета. Какое платье осталось дома. Как мать однажды чинила ей руку. Коля слушал. Иногда поправлял. Иногда специально ошибался. Чтобы Катя спорила. Это работало.

— У неё были зелёные глаза.

Катя сразу возмущалась.

— Синие!

— Нет, зелёные.

— Синие!

И на несколько секунд перед ним была прежняя сестра. Та, которая умела сердиться из-за цвета нитки. Лида услышала их разговор. Сначала улыбнулась. Потом спросила, какая была кукла. Катя начала объяснять. Руки ожили. Показывала размер. Платок. Платье. Коля увидел: пока Катя рассказывает, лицо меняется. Глаза становятся ярче. Даже голос звучит иначе. Игрушки здесь не было. Но сама кукла как будто ненадолго возвращалась.

На следующий день Лида нашла кусок ткани. Небольшой. Серый. Откуда — не сказала. Наверное, от старой рубахи. И ещё нитку. Короткую. Иголка у неё была одна на весь барак. Её хранили почти как ценность. Лида показала всё Коле. Спросила:

— Сделаем?

Он сразу понял. Они начали тайком. Не потому, что запрещено. Просто не хотели заранее показывать Кате. Ткань была плохая. Жёсткая. Кукольное тело из неё выходило угловатым. Внутри нужно что-то набить. Солома. Лида сказала, что можно взять из нар. Коля отказался сначала. Соломы и так мало. Потом они вытащили совсем чуть-чуть из края. Так, чтобы никто не заметил. Набили. Связали. Получилась голова. Потом туловище. Руки. Ноги.

Коля смотрел. Ничего не похоже. Катина кукла была мяг-

че. Мать делала аккуратно. Здесь узлы торчали. Одна рука длиннее другой. Голова слишком большая. Он расстроился. Лида сказала:

— Не для красоты.

Коля понял. Не для красоты. Для Кати. С лицом было сложнее. Ниток нужного цвета не было. Синих — нет. Красных — тоже. Только тёмная. Можно сделать глаза чёрными. Коля сразу вспомнил: Катя будет спорить. Синие. Обязательно синие. Он сказал, что лучше вообще без глаз. Лида задумалась. Потом взяла маленький кусочек светлой нитки, почти серой. Нашла где-то раньше. Сделала два коротких стежка. Не синие. Но светлые. Рот — маленький тёмный.

Кукла получилась странной. Худой. Слишком прямой. Похожа на человека меньше, чем прежняя. Коля держал в ладони и сомневался. Может, не отдавать. Катя увидит и ещё сильнее вспомнит ту. Лида сказала:

— Она сама решит.

Платье сделали из другого лоскута. Едва хватило. Платок — из узкой полоски ткани. Коля узнал цвет. Очень похож на тот, что носила мать. Не тот самый. Просто похожий. От этого внутри кольнуло. Он попросил Лиду использовать именно его. Работали несколько вечеров. По чуть-чуть. Когда Катя отходила. Когда спала. Когда была с другими детьми. Коля впервые за долгое время ждал не еды и не вестей от матери. Ждал, когда будет готово. Само ожидание было почти радостью.

В эти дни он заметил ещё одну вещь. Маленькие дети тянулись к любым предметам, которые можно превратить в игрушку. Щепка становилась лошадью. Камешек — коровой. Кусок верёвки — поясом. Пуговица — монетой. Две палочки — людьми. Игра не исчезала. Менялась. Пряталась. Становилась беднее вещами, но не воображением. Однажды два мальчика строили из щепок дом. На полу. Очень маленький. Крыша из картона. Дверь из палочки. Один сказал, что там живёт его мать. Другой — что его отец. Они спорили, чей дом. Потом решили, что один большой. Для всех. Коля долго смотрел. Лагерь мог отнять дом. Но дети всё равно строили следующий.

Хотя бы из мусора. Куклу закончили вечером. Лида передала Коле. Он держал. Лёгкая. Тряпичная. Неровная. Одна нога кривее. Платок съехал. Коля поправил. Руки дрожали. Глупо. Он не знал, почему волнуется сильнее, чем когда передавал сообщение матери. Наверное, потому что это было не про выживание. Про что-то другое. Катя сидела у стены. Смотрела в окно. Коля подошёл. Сел рядом. Сначала ничего не сказал. Потом протянул.

Катя не сразу поняла. Посмотрела на куклу. Потом на него. Потом снова. Не взяла. Коля испугался. Вот. Зря. Сейчас заплачет. Катя коснулась рукой. Очень осторожно. Как будто игрушка могла исчезнуть. Потом взяла. Повернула. Посмотрела на лицо. На платье. На платок. Долго молчала. Коля сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.